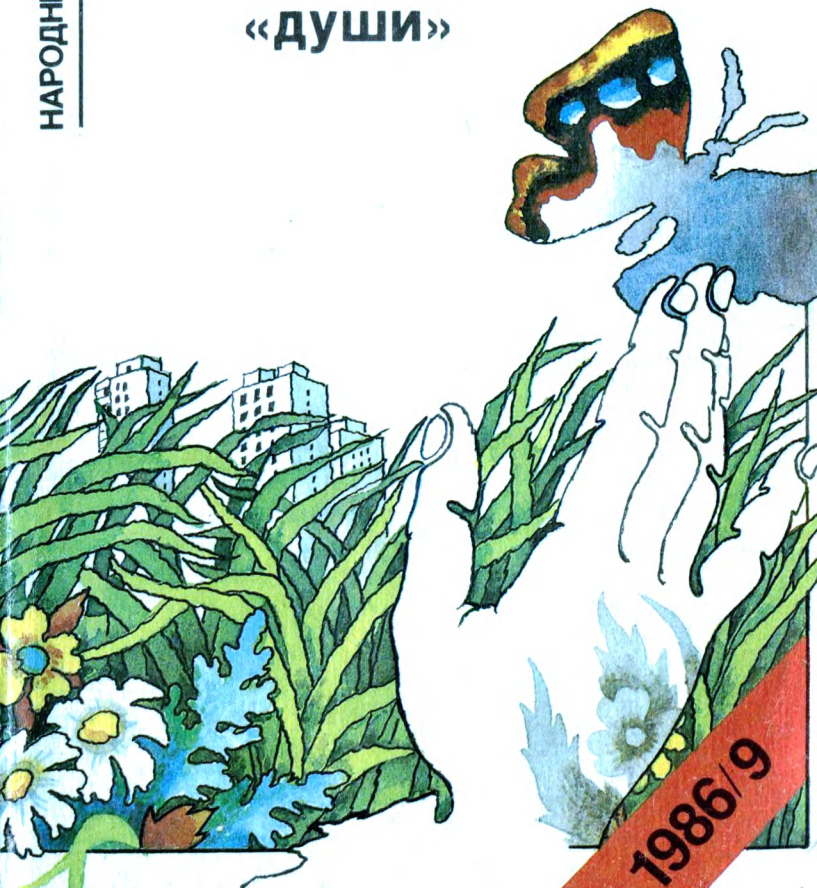

А. В. Апраушев
**Рукотворение
«души»**

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается
ежемесячно
с 1964 г.

1986/9

А. В. Апраушев
Рукотворение
«души»

Москва 1986

ББК 88.8
А77

Автор: АПРАУШЕВ Альвин Валентинович — кандидат педагогических наук, директор детского дома для слепоглухонемых детей.

Рецензенты: Ляудис Валентина Яковлевна — доктор психологических наук, профессор; Михайлов Феликс Трофимович — кандидат философских наук, доцент.

4

Апраушев А. В.

А77 **Рукотворение «души». — М.: Знание, 1986. — 96 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 9). 15 к.**

Многие ли родители задумывались над вопросом: какое отношение к развитию способностей и талантов ребенка имеет деятельность рук? Оказывается, самое непосредственное, и это доказывает опыт работы в Загорском детском доме для слепоглухонемых детей. Автор рассказывает об огромных возможностях, заложенных природой в человека, о приемах, позволяющих вызывать активность ребенка и избегать принуждения при привлечении его к труду.

Книга адресована родителям, педагогам, широкому кругу читателей.

4303000000

ББК 88.8

РАЗВИТИЕ ПОД ЛУПОЙ ВРЕМЕНИ

[Вместе предисловия]

Словно при замедленной киносъемке протекают кадры развития слепоглухонемого ребенка под специальным педагогическим воздействием. Все каналы связи такого ребенка с внешним миром находятся в буквальном смысле в руках воспитателя, ибо воспитательские руки ведут его по жизни от самых первых вех психического развития. Действовать руками слепоглухонемого ребенка — это все равно, что руководить его зрением, слухом и осязанием. Одновременно!

Руки воспитателя привлекают еще неумелые ручки ребенка, этот его триединый орган, к полезной для их хозяина деятельности. А самой полезной для ребенка и доступной его пониманию на этом этапе является деятельность, которая направлена на обеспечение жизни детского организма, то есть на самообслуживание. Это и прием пищи, и защита от холода, и расширение двигательной активности, и другие физиологические отправления. Иными словами, руки воспитателя направляют ручки ребенка на такую деятельность, которая служит удовлетворению его органических нужд.

Изо дня в день на протяжении нескольких лет руки воспитателя и воспитанника совместно осуществляют разнообразные действия с предметами, приближая самостоятельность ребенка. Тысячи, десятки тысяч повторений одного и того же действия, пока полезный смысл его не дойдет до сознания ребенка, пока данный предмет не обретет для ребенка значимость, а действие с ним — притягательность. И все это создается упорным титаническим повседневным трудом воспитателя, беспрестанным руководством.

Здесь нет привычной нам стихии, того вороха помех, с которыми встречаются воспитатели обычных детей. Сведены до минимума несогласованные и противоречивые

воздействия пап, мам и бабушек, а в дальнейшем школы, семьи и улицы. Здесь развитие творят только двое. И тот из них, кто старше и опытнее, улавливает и отмечает едва наклеывающиеся изменения в поведении ребенка, чтобы вовремя подхватить вызревание нового явления, выпестовать его.

Долог путь этого сотрудничества, медленно продвижение по нему к первым успехам. Но зато на нем удастся расставить такие вешки, которые не успеешь отметить при стремительном и плохо поддающемся контролю развитии обычных детей. Замедленный темп позволяет прослеживать узловые моменты формирования психических новообразований. Потому-то результаты работы со слепоглухонемыми детьми, опыт их воспитания и обучения воспринимаются как ценнейший материал для науки, для педагогических раздумий, для обнаружения несообразности в общей педагогике путем сопоставления и проведения аналогий, для выявления резервов развития человека.

Слепоглухонемота — это, по выражению академика А. Н. Леонтьева, «жестокий эксперимент природы», который дает исследователю уникальную возможность изучать процесс становления человеческой психики, формирования человеческой личности. Ведь в случаях слепоглухонемоты формирование всех основных моментов развития человеческой психики можно проследить в деталях и управлять этим процессом.

Выступая на Ученом совете факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, А. Н. Леонтьев сказал, что эксперимент по воспитанию и обучению слепоглухонемых детей позволяет «правильно понять и оценить то отношение, в котором находятся естественноприродные предпосылки и действительные условия бытия человека, то есть реальный образ (способ) его жизнедеятельности. Последнее обстоятельство придает эксперименту уже не только общепсихологическое, но и мировоззренческое философское значение. В нем открывается богатейший материал для доказательной разработки марксистско-ленинской теории познания, ибо здесь ясно, как ни в одном другом случае, выступает связь чувственного восприятия и мышления с той основой, которая сделала и делает

человека человеком, — с трудом в самом серьезном научном значении этого слова...»

Это высказывание А. Н. Леонтьева перекликается со словами обращения А. М. Горького к О. И. Скороходовой. В своем письме к ней А. М. Горький писал: «Верю я в разум человека, — он, человек, кажется мне органом самопознания природы, исследователем и организатором ее хаотических сил.

Вас она создала существом для эксперимента, создала как бы намеренно для того, чтобы наука исследовала одну из ее преступных и грубых ошибок. Разум науки частично исправил ошибку, но он еще не в силах уничтожить само преступление — дать Вам слух, зрение, речь. Но тем, что Вы есть, и тем, что с Вами уже сделано наукой, Вы служите человечеству. Это — так, Ольга Ивановна, — и Вы вправе этой службой гордиться».

Нет, пожалуй, ни одного раздела педагогики, в котором воспитание ребенка так тесно и органично переплеталось бы с трудом, как в тифлосурдопедагогике, — науке, изучающей проблемы слепоглухонемых.

Именно труд, и только труд, делает возможным само развитие слепоглухонемого ребенка, его общение с окружающими, ибо путь познания при одновременном отсутствии зрения и слуха идет через активное действие руки. Иного пути в таких условиях попросту нет.

Сегодня сложилась устойчивая система трудового воспитания слепоглухонемых.

Привлечение к развивающему труду слепоглухонемого ребенка начинается сразу же, как только он попадает в сферу специального обучения. Вначале это труд по индивидуальному самообслуживанию. Ребенок учится сотрудничать с воспитателем в процессе предметной деятельности.

Второй этап — коллективное самообслуживание. Ребенок под руководством воспитателя взаимодействует со своими сверстниками по обслуживанию маленького коллектива, состоящего из трех-четырех детей. Здесь завязываются первые отношения взаимопомощи и появляется разделение труда в зависимости от состояния зрения и слуха детей.

Третий этап — общественно полезный труд — вводит

ребенка в большой разновозрастной коллектив детдома, в котором он учится прилагать свои усилия на пользу людям. Это прежде всего животноводство — наиболее доступная для слепоглухонемых область производительного труда. Продукты этой деятельности сдаются государству. Таким образом, слепоглухонемые с подросткового возраста приобщаются к общественно полезным делам, их труд обретает гражданское звучание и значимость.

Далее — предпрофессиональная подготовка. Термин не очень распространенный. Но у нас он прижился. Это нечто большее, чем профессиональная ориентация. Под ним понимается расширение очень скудных представлений слепоглухонемых детей о различного рода профессиях и практическое опробование некоторых из них. В отличие от своих зрячеслышающих сверстников слепоглухонемым очень трудно разобраться во всем разнообразии человеческой деятельности, соотнести свои возможности с различными видами труда. Поэтому зачастую они имеют завышенные представления о своих способностях и излишние притязания. А ведь и их нельзя лишать права выбирать себе профессии по склонностям и интересам самостоятельно. Вот и возникает необходимость создавать им условия, чтобы могли они попробовать себя в различных видах труда, соразмерить и соотнести свои притязания с реальными возможностями.

И наконец, профессиональная подготовка в мастерских детдома к тем видам труда, которыми воспитанникам придется заниматься в будущем на специализированном производстве.

Труд — это самоцель. Труд для нас — средство формирования и развития личности, по словам Маркса, «производство развитых форм общения». И это самое главное.

Сейчас, когда усилия партии и правительства направлены на реформу образования и одним из основных направлений является подготовка учащихся к жизни и труду, опыт воспитания и обучения слепоглухонемых детей на трудовой основе может быть полезен для определения родителями своей позиции и в выборе методов воспитания детей в семье.

И хотя слепоглухонемота — явление редкое, особен-

ное, тем не менее, по словам известного советского философа Э. В. Ильенкова, она не ставит никаких специфических проблем в развитии человеческой психики. Они у нее общие с нормой. Слепоглухонемота лишь обостряет эти проблемы, гиперболизирует их. Поэтому решение всех проблем развития психики при слепоглухонемоте в той или иной степени касается и развития обычных детей.

Двадцать с лишним лет назад я впервые побывал в детдоме слепоглухонемых. Но одно из первых впечатлений свежо до сих пор.

В детской спальне я обратил внимание на сидящую по-турецки и ритмично раскачивающуюся бледную девочку лет пяти. Раскачивалась она старательно, как будто выполняла какое-то серьезное трудовое поручение. Но ее лицо с устремленными куда-то вверх незрячими глазами сохраняло при этом выражение тупой отрешенности. Мне стало не по себе.

— Из инвалидного дома недавно привезли, — уловив мое внимание к девочке, стала объяснять воспитательница. — Там с Верой никто не занимался, вот и появились у нее навязчивые движения.

— И что же дальше? — поинтересовался я.

— Постараемся обучить Веру целенаправленным действиям по самообслуживанию, введем в детский коллектив, в общение. Запущена, очень трудно будет, — заключила собеседница.

Прошло много времени. Однажды в электричке я увидел такую сцену. Упитанная девочка лет около трех с пышным бантом в волосах сидела рядом с модно одетой мамой. Улыбающиеся пассажиры удивлялись спокойствию ребенка, радовались румянцу девочки, сосредоточенно посасывающей затейливую импортную пустышку. Хвалили ее. Главным образом за спокойствие. Но что-то пугающе знакомое почудилось мне в лице девочки. Ба! То же отрешенно-тупое выражение. На фоне румянца, упитанности и улыбок это было так неожиданно. Не хотелось верить! Я стал наблюдать за девочкой: никакого интереса к калейдоскопу картин, сменяющих друг друга за окном, к вопросам окружающих, к разговорам вокруг нее, полное отсутствие детского любопытства, такого есте-

ственного для ребенка, находящегося в пути. Лишь прямые вопросы мамы, на которые Лена отвечала односложно и неохотно, выводили ее из прострации. Улыбки пассажиров постепенно стали исчезать, радость встречи с детством блекла на глазах.

— Пустышка! — осенило меня. Ведь это те же навязчивые движения, тормозящие развитие ребенка, гасящие его интерес к окружающему, тот же «мартышкин труд». Невероятно!

При выходе из вагона, улучив момент, я шепнул Лениной маме:

— Пустышка-то зачем? Девочка уже большая.

— Не хочу, чтобы ребенок неврастеником рос, — последовал категорический ответ. — Да и вещь красивая, фасад нам не портит. Правда, Леночка?

Так протянулась неожиданно для меня ниточка от слепоглухонемого ребенка к обычному и заставила задуматься о внутренних резервах развития ребенка, когда любая мелочь, даже такая привычная, как пустышка, становится значимой. И все-таки вредна пустышка или полезна? Теперь я могу сказать: полезна, если использовать ее правильно лишь тогда, когда ребенка нужно успокоить перед сном или если он чем-то сильно расстроен. В других случаях пустышка нежелательна. Вместо нее — развивающая ребенка деятельность. Иначе с пеленок мы начинаем растить безразличного, безынициативного, флегматичного человека, а потом удивляемся и ищем причину в наследственности, вместо того чтобы присмотреться к семейным традициям.

Глава I.

ГДЕ ОНИ — РЕЗЕРВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ!

Чаще всего на этот вопрос отвечают так: конечно же, в самом ребенке, которого надо развивать. Но так ли это?

Заблуждением прошлого было представление о том, что путь ребенка к человеку предопределен его человеческим рождением. Где-то там внутри ребенка заложено все то, что необходимо для его развития. Вот эти-то способности, изначально заложенные в человеческом существе, и надо якобы высвободить и развить. Самый же лучший путь развития проходит через речь.

Именно так и поступали в прошлом воспитатели слепоглухонемых детей. Они начинали не с приобщения к элементарному труду по самообслуживанию, не с формирования образов предметов, построения человеческой психики. «Зачем? — рассуждали они. — Ведь обслужить ребенка мы можем, а то, что в нем заложено от бога или от природы, так или иначе разовьется. Другое дело — речь! Разве не со словесного общения начинается человек? Разве не в слове заключена магическая сила, выводящая ребенка на человеческий уровень?» И начинали работу со слепоглухонемыми с безуспешных и мучительных попыток обучения человеческой речи.

Но язык не существует без предметной основы. Без образов предметов, действий и явлений не может формироваться язык у человеческого существа. Но если у слепоглухонемого нет образов внешнего мира, то не может быть и языка. Нельзя же говорить ни о чем! Образы же могут быть сформированы у такого ребенка путем специального обучения, через развитие ориентировочно-исследовательской деятельности. Но и ее надо вначале сформировать, поскольку ее тоже нет. Ни один слепоглухонемой ребенок по собственной инициативе не стал исследовать окружающее его пространство. Первые шаги в этом направлении он должен сделать обязательно с более опытным партнером.

Оказывается, речь — лишь наиболее зримая грань процесса становления, а вот воздействие предметов и предметного общения на развитие ребенка как-то затушевывается и редко обсуждается. Между тем предметы, и прежде всего предметы обихода, включенные в совместную деятельность, и есть та «Золушка», которая выполняет черновую работу по становлению человеческой психики, предуготовливает формирование высших психических функций. Именно предметы делают поведение человеческого детеныша человеческим, потому что каждый из них жестко требует однозначного с собой обращения, которое заложено в его функции. Так, скажем, не будешь же «лаптем щи хлебать», ибо данный предмет предназначен для иных целей. Подобное отклонение от адекватного использования предметов расценивается как изъян человеческой психики.

Здесь, в предметном мире, лежат первоначальные резервы человеческой психики, человеческого мышления. Ибо человеческая психика — это не что иное, как способность прогнозировать человеческое поведение в социальном предметном мире. Поведение же человека прежде всего связано с действием его рук. Теперь установлено, что между ручной деятельностью ребенка, развитием его психики и мышления существует непосредственная связь.

Как утверждают ученые, мозг дельфина организован ничуть не хуже человеческого. Однако в интеллектуальном развитии дельфины изрядно отстали от предков человека. Почему? Оказывается, потому, что нет у дельфина рук и той необходимой совокупности предметов, с овладения которыми начинается каждый человек. Дельфины могут поэтому передавать потомству только индивидуальный опыт прямым научением своих отпрысков. Человек же передает фиксированный общественный опыт посредством очеловеченного пространства. Ведь в окружающих нас предметах сконцентрирован и овеществлен опыт многих поколений людей. Расшифровывая эту многовековую мудрость и присваивая ее, ребенок развивается.

Кстати, о расшифровке многовековой мудрости. Определенный опыт прошлых поколений мертв. Оживает он и становится доступным усвоению в процессе его распредмечивания, то есть раскрытия функционального назначения предметов на глазах у ребенка. Наблюдения за действиями взрослого, подражание им позволяют ребенку присваивать этот опыт, идти по пути человеческого развития. При этом ребенок обязательно должен быть активным свидетелем полезного использования предметов по назначению. Так, скажем, слепоглухонемому было бы бессмысленно показывать ряд предметов, привлекая его осязание для ощупывания, без демонстрации их назначения. Так же и зрячеслышащий ребенок, окруженный предметным миром, несмотря на это, не стал бы человеком без деятельного общения с более опытными людьми.

Как обычного, так и слепоглухонемого ребенка надо научить адекватным способам действий в мире предметов, что позволяет видеть этот мир по-человечески, развить его любознательность. В каждом случае есть свои

методы, суть же одна — присвоение способов человеческого поведения.

С обычным ребенком все понятно. Сидя на руках матери, он следит за действиями ее рук, слышит производимые этими действиями звуки, отмечает изменения, происходящие в окружающей обстановке. Именно эти изменения и привлекают его внимание и формируют в ранний период развития ориентировочно-исследовательскую деятельность и активную позицию ребенка по отношению к материнским рукам. Вот мама поднесла дитя к столу, помешала ложечкой в тарелке, поднесла ложечку ко рту ребенка, коснулась его губ. Ребенок с удовольствием чмокает, облизывается, криком требует еще. Руки матери двигаются, подчиняясь требованиям ребенка. Постепенно к ребенку приходит приятное чувство насыщения.

С течением времени руки матери, ложка становятся для ребенка значимыми предметами. Он связал появление ложки в материнских руках с предстоящим удовольствием (или неудовольствием, если кормление носит характер насильственных действий) и выделяет из числа безразличных ему предметов. Такими же значимыми предметами становятся тарелка, стул, на который начинают усаживать ребенка, фартучек, которым его повязывают, и другие предметы, предваряющие или сопутствующие удовольствию. Важно отметить, что зрительные и слуховые образы стимулируют деятельность ребенка, а в ранний период способствуют утверждению активной позиции по отношению к материнским рукам. В этом смысле обычному младенцу легче осваивать окружающий мир. Все, что движется в поле зрения, начинает приковывать его внимание. Ребенок тянется к движущимся в чужих руках предметам, требует определенных действий с ними, таких действий, которые ему выгодны, служат его нуждам.

Еще не умея самостоятельно манипулировать предметами для удовлетворения собственных нужд, ребенок тем не менее проявляет активность в предметном мире. Правда, действует он не сам, а заставляет своим порой невыносимым криком трудиться окружающих. Но как бы там ни было, активная позиция ребенка по отношению

к чужим рукам — один из первых факторов его развития: сам еще ничего не умея делать, он уже учится ориентироваться в предметном мире, уже осваивает функциональное назначение окружающих его предметов, вбирая в себя мудрость минувших поколений, сконцентрированную в них. У обычного ребенка уже на руках матери, в связи с деятельностью ее рук, исподволь и незаметно для глаз окружающих формируется ориентировочно-исследовательская деятельность. Вот и возникает иллюзия, будто она дана от рождения: ведь сам ребенок еще не действует руками, и никто не замечает, чтобы он что-то изучал.

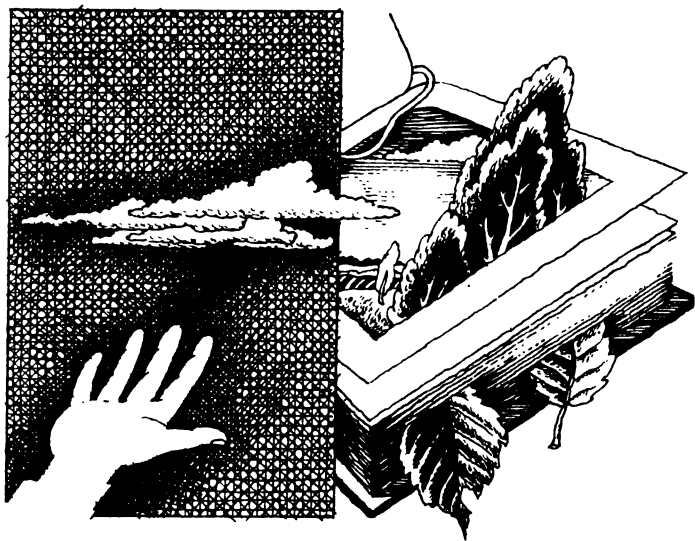
Именно в этом более раннем формировании ориентировочно-исследовательской деятельности и состоит преимущество обычного ребенка перед слепоглухонемым. Он сидит на руках матери и видит, и слышит, и отмечает выгодные для себя предметные ситуации. Это стимулирует его активность. Слепоглухонемой тоже сидит на руках матери, но все, что попадает в его руку, которой он потом научится слушать, видеть и говорить, появляется из рук матери, да и проходит чаще всего не через руку ребенка, а отправляется прямо в рот. Вот это-то отсутствие возможности следить за изменениями в предметном мире, активно влиять на эти изменения и сдерживает развитие слепоглухонемого ребенка, не позволяет формировать ориентировочно-исследовательскую деятельность. Поэтому-то мы и не обнаруживаем ее у тотально слепоглухонемых детей. Нет у них и стимула к развитию этой деятельности.

Но фатальна ли она — эта задержка? «Вовсе нет, — отвечают специалисты. — Чем раньше состоится знакомство слепоглухонемого ребенка с миром предметов, тем больше уверенность в том, что не будет у него задержки психического развития».

Для этого необходимо научить слепоглухонемого ребенка следить за руками взрослого и в процессе обслуживания передавать ему свой опыт, привлекая детские руки к самостоятельным действиям. Накопление опыта адекватного использования предметов обихода — это способ не только поддержания существования, но и формирования способностей к развитию.

Что из всего сказанного следует? Какую пользу из этого можно извлечь для развития обычных детей? Видимо, на руках у матери ребенок получает более интенсивное развитие, чем, например, в кроватке, глядя в бесконечную белизну потолка, или в коляске, созерцая бездонную голубизну неба. Руки матери, вооруженные предметами, — самый мощный резерв развития младенца.

Вот тут-то, на стыке требований ребенка и действий материнских рук, и закладываются первые психические образования, связанные с орудийными действиями. Ребенок становится активным, если руки матери откликаются на его требование. И эта активность постепенно разовьется в черту характера, если поощряется материнской отзывчивостью. И наоборот, ребенок будет расти вялым и безразличным, если в руках матери не будет находить отклика своим призывам о помощи. Вот только во всем нужно соблюдать меру и не давать позитивным новообразованиям превращаться в негативные. Так, скажем,

активное использование материнских рук может привести к эгоцентризму ребенка, к нежеланию считаться с интересами окружающих, к утрате желания осуществлять самостоятельные действия. Во избежание такого направления развития полезно своевременно переключить активность ребенка на самостоятельные действия с окружающими предметами. Отзывчивость матери, служившая целям развития ребенка на одном этапе, оказывается препятствием на очередном. Так что излишняя активность взрослого в обеспечении жизнедеятельности ребенка может рано сформировать привычку к потребительству. Переключение на самостоятельную деятельность важно еще и потому, что чем разностороннее самостоятельность младенца, тем быстрее вычленяет он свое «Я» из окружающей среды, осознает себя субъектом развития.

При слепоглухонемоте автономизации ребенка, самовычленению его из среды способствует специально организуемая игра с большой куклой. Обучая игре с куклой, взрослый проделывает руками ребенка те же манипуляции, что и при его индивидуальном самообслуживании. Слепоглухонемой ребенок быстро улавливает аналогию деятельности и с удовольствием принимает эту деловую форму игры. Для более наглядного установления аналогий можно использовать вещи ребенка при игровом обслуживании куклы. Так, например, причесывать волосы куклы расческой ребенка, надевать ей на ноги его тапочки. По-видимому, данный прием уподобления в развитии самосознания ребенка пригоден и для обычных детей.

Случается, что родители обычных детей жалуются на отставание ребенка в психофизическом развитии, в освоении языка. При ближайшем рассмотрении причиной такой задержки развития оказываются окружающие ребенка взрослые. Как это ни парадоксально, но именно чрезмерно любящие своих чад родители и родственники, включая бабушек и дедушек, доводят их до состояния, которое сродни состоянию ребенка при таком тяжелом заболевании, как слепоглухонемота. А дело все в излишней опеке. В нежелании взрослых позволять ребенку самостоятельно удовлетворять свои нужды, в подавлении его активности излишней предупредительностью. Вследствие этого у ре-

бенка не формируется и не развивается ориентировочно-исследовательская деятельность, а вместе с ней — мышление и речь. Конечно, с течением времени все приходит как будто в норму. Но сколько при этом возможностей утрачивается, безвозвратно теряется резервов развития ребенка! При этом никто не может заранее предугадать, каких перспектив развития он лишается. Все эти потери не сразу бывают заметны в норме, зато легко прослеживаются при слепоглухонемоте. Слепоглухонемой ребенок, лишенный активных действий в предметном мире, не прошедший школы предметной деятельности, никогда не станет человеком, и в этом не раз приходилось убеждаться специалистам.

Однажды, получив письмо с просьбой помочь родителям слепоглухонемого ребенка, я отправился по адресу, указанному на конверте. Отодвинув щеколду, открываю калитку в глухом заборе и, опасаясь неожиданной встречи с собакой, осторожно ступаю на широкий ухоженный двор. Собаки, видимо, хозяева не держали, и я, осмелев, прошел к кирпичному добротному дому, поднялся на просторную террасу и позвонил.

— В таких условиях ребенку должно быть неплохо живется, — прикидывал я, оглядывая двор и натываясь взглядом на кроличьи клетки, кур, греющихся на солнышке в песке, кошку, играющую с котенком. — Вот и животные есть, наверное, и ребенок участвует в уходе за ними.

Но вот открыли дверь, и я увидел девочку лет шести, которая полулежала в детском манеже и при этом ритмично раскачивалась взад-вперед, взад-вперед. По словам бабушки, открывшей мне дверь, Леночка никогда самостоятельно манеж не покидала. Лишь при необходимости ее брали на руки и пересаживали на горшок, либо сажали на колени и кормили с ложечки, иногда преодолевая сопротивление ребенка. Я попросил бабушку открыть манеж. Рукой девочки показал, дав ей ощупать открытый дверной проем, что путь открыт. Но девочка, прекратив качаться, тем не менее интереса к моему предложению прогуляться не проявила. Я попытался поставить девочку на ноги. Но тщетны оказались мои попытки: ножки ее не держали, она валилась то на спину, то на бок. Чувствовалось, что моя затея не привычна для ребенка и не до-

ставляет ему удовольствия. Наконец она начала хныкать и сделала попытку укусить меня за руку. Пришлось оставить девочку в покое. Она уселась по-прежнему, как-то скособочившись, и как будто терпеливо ждала продолжения моих действий. Затем, очевидно, успокоившись окончательно, она вернулась к своему прежнему занятию. Тело ее пришло опять в ритмичное движение взад-вперед, взад-вперед. Так в нецеленаправленных неосознаваемых движениях высвобождалась биологическая энергия организма, растрачивался его биологический резерв. Длительное бездеятельное состояние вызвало привычку к раскачиванию тела. Впрочем, это бывает и у обычных детей по причине все той же бездеятельности.

— Вы пытались ее чему-нибудь обучать? — обратился я к бабушке.

— Да, дочка учила ее есть ложкой.

— И что же?

— Да, ела она, только плохо и пачкала все вокруг. А потом еще девочка народилась, так матери некогда стало ее учить, она и перестала ложку держать. А уж я-то ее и не неволю. Сама покормлю, да и ладно. И одеваться уже забыла как, а раньше сама колготки натягивала.

— Так ведь продолжать учить самостоятельности надо, — попытался я настаивать.

— Да кто же это будет делать-то, милоч? Мои-то все на работе, да еще и сестренка младшенькая у ей. Вот я одна и кручусь...

— Погибнет ребенок, если не учить самостоятельно есть, одеваться, не научить ходить, — стал я просвещать старушку.

— Вот ведь ты какой! Сам видишь, ее и встать-то не заставишь, да и силы у меня не те, — досадливо запричитала собеседница.

— Так давайте оформлять в детдом.

— И не думай, милоч! Сами будем пока живы крест свой нести.

— Тогда зачем же письмо в детдом писали?

— Да то ж не мы. Промеж себя мы давно порешили при доме ребенка держать, видно, воля господня такая нам предписана. А письмо-то сестра снохи вам написала. Мы не просили.

Полное отсутствие активности в предметном мире, нормального человеческого общения. Все заботы о ребенке сводились лишь к его обслуживанию и содержанию. Потому-то развитие девочки затормозилось где-то в самом начале. Единственное развлечение, да и то при полной пассивности ребенка, которое доставляли Леночке родители, были качели, обнаруженные мною в дверном проеме кладовки.

— А это для кого? — обернулся я к провожавшей меня бабушке.

— Да вот, Леночка качается.

— Как, сама?! — от неожиданности удивился я.

— Да нет. Отец или мать держат и раскачивают ее. Любит качаться.

И это все!

По дороге домой я вспоминал записи основателя советской тифлосурдопедагогики (психологической науки, разрабатывающей методы обучения и развития слепоглухонемых детей) И. А. Соколянского, который описывал жизнь двадцатичетырехлетнего слепоглухонемого парня. Этот слепоглухонемой провел всю свою жизнь в комнате родительской квартиры. Пищу ему туда доставляли родители. Сам же он даже не выходил из комнаты. А когда его все-таки вынуждали выйти, то он настолько неуверенно чувствовал себя на ногах и так боялся непривычного ему передвижения в пространстве, что сразу же садился на пол и начинал тревожно мычать. А ведь интеллект у парня, как свидетельствует И. А. Соколянский, был в норме и силища была такая, что, по утверждению матери, он «без особого труда сломал металлический круг от мясорубки и разогнул подкову». Интересы к окружающему он никакого не проявлял, влачил растительную жизнь и был целиком в плену органических ощущений.

Ждать развития каких-то заранее заложенных психических потенций, внутренних резервов ребенка совершенно бессмысленно. Ни один орган появившегося на свет ребенка резервов человеческой психики не содержит. Для того чтобы развить эти резервы, надо их вначале создать.

Обычный ребенок, стихийно подражая действиям окружающих, закладывает в себе фундамент развития чело-

веческих качеств. В случае же одновременного отсутствия у ребенка зрения и слуха основу человеческой психики приходится создавать искусственно, не полагаясь ни на какие внутренние резервы. Не из внутренних, а из рукотворных резервов формируется предуготовленность человека и в обыденном, и в высоком смысле этого слова. Через освоение предметного окружения со ступеньки на ступеньку происходит восхождение такого ребенка. Так строится каркас человеческой психики.

Как было уже сказано, методика передачи опыта от взрослого к ребенку чрезвычайно проста. Показывай, как сам дела делаешь, и давай ему попробовать. Вот только в жизни случается часто так, что, попробовав раз-другой что-нибудь делать, ребенок больше не возобновляет попыток.

Почему так происходит? А потому что, возможно, ребенок встретил препятствие, которое не смог преодолеть, а необходимая помощь вовремя не подоспела. Или наоборот, нетерпеливый взрослый партнер перестарался и, видя несостоятельность ребенка, поспешной и неумеренной помощью подавил его активность. И конечно же, каждое совместное действие взрослого и ребенка должно иметь свое завершение, его нельзя прерывать без того, чтоб он не получил удовлетворения от завершенности действия.

Для успешного привлечения слепоглухонемых детей к предметной деятельности и формирования на ее основе человеческой психики учеными И. А. Соколянским и А. И. Мещеряковым была разработана методика совместной разделенной дозированной деятельности.

В чем ее смысл? Не всякая помощь идет на пользу ребенку. И это особенно заметно при воспитании слепоглухонемых детей.

Привлекая руки слепоглухонемого ребенка к действиям, например, связанным с приемом пищи, воспитатель ставит своей первоначальной задачей вызвать его активность. Приходится многие сотни, тысячи раз повторять одни и те же движения руки ребенка с ложкой, пока эта активность не вызреет. Но вот в какой-то момент воспитатель уловил напряжение ручки ребенка, появилась его активность. Воспитатель спешит развить ее, сформиро-

вать зону активности воспитанника, наладить взаимодействие с ребенком.

Но для того, чтобы зона активности воспитанника не исчезла в самом зародыше, а продолжала жить и развиваться, необходимо очень бережное к ней отношение. Ее легко подавить и чрезмерной помощью и недостаточной активностью воспитателя. Требуется строгая дозировка, как в обращении с больным зубом, чтобы не было ни холодно, ни горячо, а как раз по зубу.

Обычно при формировании навыков приема пищи активность ребенка появляется на ближайшем к рецепторной зоне губ участке действия с ложкой. Ребенок, если он проголодался или пища пришлась по вкусу, старается ускорить наступление приятных ощущений и напрягает ручонку. Действие же ложки в тарелке как наиболее отдаленное от удовлетворения потребности ему еще трудно ассоциировать с предстоящим удовольствием, да и сами по себе действия ложкой в тарелке слишком сложны для выполнения. Постепенно, учитывая динамику развития зоны самостоятельности ребенка, воспитатель снижает собственную активность, все время создавая простор для повышения уровня активности младенца.

Можно ли извлечь пользу родителям обычных детей из этой методики? Полезно уже знание о том, на каком этапе обучения ребенка приему пищи следует ждать вызревания его активности. И уж совсем было бы хорошо распространить принцип совместной разделенной дозированной деятельности на все сферы сотрудничества с ребенком. Мы у себя в детдоме так и сделали. Не только навыки ручной деятельности, но и черты характера, человеческие способности формируются у ребенка гораздо эффективнее, потому что в дозировке помощи всегда содержится элемент предусмотрительности. О ней и пойдет речь в одной из последующих глав. А пока...

Ни о каких успехах в воспитании слепоглухонемых, включении их в человеческую среду в качестве социально полноправных членов не могло бы быть и речи, если бы не было возможности компенсировать утраченные социальные функции одних органов за счет других. Для человека главнейшими органами социальных связей яв-

ляются зрение, слух и речеобразующие органы. В нашем случае все эти функции взяла на себя рука.

Но ведь от природы человеческой руке уготовано совсем иное назначение! В том-то и дело, что усилиями тифлосурдопедагога социальные требования совершенствуют старый орган, вынуждая его развивать совершенно новые способности. Происходит передислокация резервов человеческого развития с одной базы на другую. Таким образом, тифлосурдопедагог оказывается творцом новых необычных способностей человеческого органа, которые не могли быть изначально в нем заложены.

Такие же процессы по временному замещению социальных функций одних органов за счет других могут происходить и в норме, составляя и здесь резерв развития.

Приемы компенсации и переключения — неисчерпаемый резерв развития у слепоглухонемых в борьбе с дефективностью, который может быть использован и обычными людьми, но особенно эффективно применяется при отклонениях от нормы. Речь идет о явлении сверхкомпенсации, о высшей степени мобилизации резервов развития, то есть о тех случаях, когда из слабости возникает сила противодействия дефекту, из биологического минуса рождается социальный плюс.

Слепоглухонемой ребенок с нормальным интеллектом не безразличен к своему необычному положению, он занимает определенную позицию по отношению к своему дефекту. Либо он подчиняется ему и проигрывает, либо вступает в противоборство с ним путем мобилизации резервов. Случается, что борьба с дефектом становится стержнем развития личности, и на этом пути человек достигает изумительных результатов, оставляя далеко позади среднюю норму.

Мы знаем множество примеров тому, как борьба с недугом закаляла характер человека, стимулировала его социальную активность, развивала выдающиеся способности, вызвала восхищение людей. Слепоглухонемая женщина О. И. Скороходова, кандидат наук, автор книги «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», может служить тому примером. Николай Островский, Алексей Мересьев, слепой скульптор Ли-

на По перевернули все представления о человеческих возможностях.

Однако не следует думать, что сверхкомпенсация — удел людей, имеющих физические дефекты. Известно, что чувство неполноценности может испытывать и нормальный ребенок, и подросток, юноша или девушка. Это может проистекать от преувеличенного значения, которое придает тот или иной человек своей внешности — веснушкам, цвету волос, росту, форме носа, длине рук; различным чертам своего характера. Вот тут-то очень важна активная позиция родителей. У ребенка может возникнуть чувство подавленности, закомплексованности и как следствие — дефективность. С другой стороны, могут включиться механизмы сверхкомпенсации и развитие ребенка получит мощный стимул. Помочь ребенку в сложных психологических ситуациях, сориентировать его правильно — задача родителей.

Например, малорослый мальчишка узнает, что подтягивание на турнике, прыжки вверх способствуют росту. Оказывается, и морковь может принести пользу. Начинается подтягивание на верхнем бруске дверной коробки, благо есть за что пальчиками зацепиться. А на кухонном полу тут и там появляются искорки тертой моркови.

Может быть; и не произошло явного скачка роста, но ребенок полюбил спортивные упражнения, потому что с ними он обретал силу, ловкость, уверенность в движениях. Он стал уважительнее относиться к режиму, следить за своим питанием. Ведь так хочется быть рослым и сильным! Если это желание поддержать и создать ребенку условия хотя бы в виде домашнего турника, а еще лучше — комнатного спортивного комплекса, то это будет наилучший способ снятия остроты переживаний, связанных с чувством неполноценности. И кто знает, какие способности ребенка сформируются на этой базе.

И еще один резерв. Он — в своевременности формирования психических функций, в том числе и высших.

С какого возраста, например, начинать обучение детей грамоте? Вопрос далеко не праздный. Для нас он давно решен. Как только пальчики ребенка в состоянии складываться в дактильные фигуры, можно начинать подго-

товительную тренировку. В обучении слепоглухонемых детей очень важно своевременное развитие средств общения. Это особенно острый вопрос, ибо от его правильного решения зависит, станет ли ребенок человеком, не будут ли упущены возможности его развития. Чем раньше удастся сформировать у ребенка словесные средства общения, тем гарантированное последующее нормальное его развитие.

Глава II

ТРУД И РЕЗЕРВЫ РАЗВИТИЯ

Сущность вещей познается ребенком путем воздействия на них, посредством практического усвоения их функционального назначения.

Как это ни парадоксально, но слепоглухонемой ребенок при специальном обучении в плане познавательной деятельности оказывается в более выгодном положении, чем обычный (конечно, при правильном применении принципа совместной разделенной дозированной деятельности). Все, что воспринимается слепоглухонемым ребенком в процессе совместной с педагогом деятельности, неизбежно проходит через его руки, при этом руки в отличие от глаз не только осматривают, но одновременно и воздействуют на предмет. Здесь нет места разрыву между восприятием и активным действием, они слиты в органическом единстве. Более того, слиты не только восприятие и действие, но и слово, обозначающее данное действие или предмет. Здесь не возникает вербализма, свойственного слепым детям и выражающегося в отсутствии реальных представлений, скрывающихся за каждым словом. В то же время удается избежать и излишнего накопления образов при чрезвычайно скудном словарном запасе, что характерно для глухих детей. Слово актуально налагается на воспринимаемый предмет или совместно осуществляемое действие. Об этом постоянно заботится педагог.

Однако известно, что самый лучший воспитатель не слово, а сама жизнь. Не следует думать, что только со словом связано психическое развитие ребенка, только с его помощью можно формировать те или иные черты ха-

рактера. Оказывается, можно не знать ни одного слова, не владеть специальными средствами общения и вместе с тем быть деятельным, изобретательным и заботливым человеком. Психическому развитию ребенка помогает в данном случае язык доброго содействия.

Истинность положения о том, что каркас человеческой психики составляют поведенческие навыки человека в мире предметов, хорошо прослеживается при слепоглухонемоте.

Федор С. — слепоглухонемой ребенок. Ослеп и оглох в возрасте одного года девяти месяцев. В многодетной семье воспитывался до 14 лет. При поступлении в детский дом не имел никаких специальных средств общения, но поведенческие навыки вполне отвечали общепринятым в человеческом обществе нормам. Он самостоятельно умывался, одевался, правильно вел себя за столом, вступал в предметные отношения с окружающими его взрослыми и многочисленными детьми. Он даже проявлял завидную изобретательность, мастера игрушки из случайного материала для своих младших братьев и сестер.

К счастью для Федора, родители, простые, но умудренные трудной жизнью люди, поняли необходимость приобщения сына к посильному труду. Отец отвел ему место для небольшой мастерской, снабдил его необходимыми инструментами и показал простейшие операции с ними. Это спасло Федора от глубокой задержки психического развития.

Как уже было сказано, чаще мы наблюдаем противоположные примеры, когда вместо предоставления слепоглухонемому ребенку свободы передвижения, обучения простейшим приемам использования различных инструментов, родители по разным причинам изолируют его от мира предметов, лишают возможности передвижения.

Недооценка раннего приобщения детей к элементарному труду присуща и обычным семьям, и детским дошкольным учреждениям. Хотя, конечно, труд в той или иной форме, в меньшей или большей степени в дошкольных учреждениях практикуется. Но смысл развития ребенка под воздействием труда не только в предоставле-

нии ему возможности выполнять те или иные трудовые операции, а в том, чтобы этот труд вошел в систему и постепенно в соответствии с уровнем развития ребенка усложнялся, а сфера детского труда своевременно расширялась и обновлялась. При несоблюдении этого положения трудно ожидать заинтересованности ребенка в труде. В трудовом процессе все время должен присутствовать элемент новизны.

Конечно, нельзя противопоставлять словесное обучение предметной деятельности. Хорошо, когда они дополняют друг друга. Но приходится тщательно следить за правильной дозировкой того и другого. Если в воспитании будет преобладать слово, получится демагог, необязательный человек, неумеха. Если труд, предметная ситуация — рискуем интеллектуальным развитием. Получим работягу, исполнителя. И только! Нам же нужен гармонично развитый человек.

История развития Федора С., несмотря на успехи в раннем приобщении ребенка к ручному труду, отражает и некоторые существенные пробелы в его воспитании. Прежде всего эти пробелы связаны с запоздалым включением в сферу словесного общения. Родители, разумеется, не могли создать для слепоглухонемого ребенка речевую среду, потому что не владели дактильным способом общения. И на определенном этапе крайне низкий уровень общения затормозил психическое развитие ребенка. Отсюда следует, что ручной труд должен быть тесно связан с речевым развитием.

Очевидно, совсем недостаточно воспитать у ребенка отдельные трудовые навыки, необходимо выработать привычку к повседневной их реализации в течение дня, когда конец предыдущего действия служил бы сигналом к запуску следующего. Без системы чередующейся деятельности невозможно выработать у ребенка привычку к целесообразным действиям, чувство мышечной радости от трудовых усилий, ответственность за рациональное использование времени. Нельзя эту привычку перевести во внутренний план, сделать ее потребностью. Отсутствие же внутренней потребности в труде вызывает необходимость в принуждении, что часто приводит к конфликтам в семье.

В этом отношении интересна и поучительна история развития слепоглухонемой девочки Марии Сокол. Она была воспитанницей школы-клиники, которую еще в довоенные годы открыл в г. Харькове И. А. Соколянский. В школе-клинике с ее стабильным режимом дня Мария за короткий срок обучилась самообслуживанию и некоторым трудовым навыкам ведения домашнего хозяйства. Вместе с тем она усвоила дактилологию и могла общаться в сфере немудреного хозяйства, которым была занята в школе-клинике. Война помешала дальнейшему обучению девочки по специальной программе. Ребенок, только что начавший усваивать словесный язык, оказался в глухой деревне.

В 1967 году вместе с известными психологами А. И. Мещеряковым и В. Я. Ляудис я отправился на поиски Марии в село Мартовое, где, по словам бывшей воспитательницы из школы-клиники, проживала Мария. В пути мы делились предположениями, стараясь предугадать, как сложилась судьба бывшей воспитанницы И. А. Соколянского, и дружно сходились на прогнозе ее неизбежной деградации.

Но вот мы у цели. Открыли скрипучую калитку в невысоком дощатом заборе и оказались в небольшом и довольно тесном дворике. Крыша глинобитного домика покрыта соломой. При входе в дом — микроскопическая терраска под шиферной крышей. Посреди двора — колодец. Справа от калитки — сарай, из которого доносятся тяжелые хриплые вздохи. Вблизи резиденции поросенка — собачья конура. Лохматая ее владелица, опершись передними лапами на опрокинутое ведро и склонив набок морду, всматривается в нежданных пришельцев. По всему двору протянуты бельевые веревки с болтающимися на них крупными прищепками. Из-за угла терраски виднеются сваленные в кучу дрова. Вблизи них — деревянное корытце для кормления кур. Чуть дальше виднеется несколько фруктовых деревьев и ровные грядки с пожелтой редкой растительностью. Холодно! Во дворе местами грязный снег и лужицы воды. Осень.

Опомнившись, собака залаяла. Хлопнула дверь. На терраску вышел пожилой мужчина в телогрейке и видавшей виды шапке-ушанке. Поздоровались.

— Мария Сокол здесь живет? — перекрывая собачий лай, выкрикнул я.

— Дома она. Я ее отец. Заходите.

Уступая друг другу дорогу, мы начали подниматься по ступенькам.

— Вы-то кто будете?

Мы представились и вошли в избу.

У деревенской печки орудовала ухватом средних лет женщина в простеньком клетчатом платье и завязанной узлом назад косынке. Отец Марии коснулся ее руки, она встрепенулась и что-то сказала голосом, не вынимая ухвата из печи.

— Ну вот, к ужину спсели, — радостно засуетился отец, — раздевайтесь.

— Она сама готовит? — изумилась Валентина Яковлевна Ляудис.

— Да, старуха-то моя все хворает. Вот Маша у нас ко всякой работе и приучена. Она и хозяйство ведет. Переночуете — завтра все сами увидите, — добавил он, видя наше смятение.

Тем временем Мария вытерла о передник руки и стала знакомиться с гостями. Подавая руку, она приветливо улыбалась и что-то невнятно произносила. Очевидно, свое имя. Я попытался установить с ней контакт с помощью дактильной речи. На мои вопросы она отвечала односложно, но вполне грамотно дактилируя фразы.

Затем усилиями Марии был накрыт стол на шесть персон, и все дружно уселись за ужин. Сползла с печки и мать Марии, маленькая сухонькая старушка. Подсела к столу.

На следующее утро мы могли наблюдать, как Мария причесывается, стоя перед зеркалом.

— Разве ей не все равно, где причесываться? Она ведь не видит свое отражение, — обратилась к отцу озадаченная Валентина Яковлевна.

— Маша у нас аккуратная, всему знает место. Видит, где мы причесываемся, там и она это делает.

И уж совсем нас потрясло, что при уборке квартиры Мария, прежде чем вытирать зеркало, несколько раз подышала на него. И протерла так ловко и чисто, что трудно было поверить в ее слепоту.

Целый день мы поражались ее сноровке, глядя, как она гладит белье, чистит рыбу, кормит кур и поросенка, ходит за водой к колодцу, безошибочно определяя направление, выгребает из печки золу, не оставляя следов на полу...

Весь день подчинялся какой-то раз и навсегда определенной стратегии деятельности. Она показала нам книги, напечатанные брайлевским шрифтом, среди которых мы увидели «Как закалялась сталь» Николая Островского и книгу «Как я воспринимаю окружающий мир» ее старшей подруги Ольги Ивановны Скороходовой, с которой она вместе обучалась в школе-клинике И. А. Соколянского. Потом познакомила со своей перепиской, в которой оказалось около десятка адресатов.

Мы были обескуражены. Ожидали увидеть деградировавшее существо, что вполне бы отвечало нашим представлениям о невозможности развития слепоглухонемого ребенка вне сферы специального обучения. А тут такое! Так как же могла не только сохранить, но и приумножить человеческие способности слепоглухонемая девочка в условиях, фатально обрекавших ее на деградацию? Где черпала она резервы человеческого развития?

Вот что мы узнали от отца и от самой Марии. И. А. Соколянский был дальновидным педагогом и требовал от родителей своих воспитанников изучения пальцевой азбуки. К тому времени, когда Мария вынуждена была остаться в семье, отец с грехом пополам умел шевелить пальцами, складывая из них дактильные фигуры. Постепенно овладела этой «премудростью» и мать Марии. Родители составили первоначальную сферу общения дочери. Но время было такое, что уделять много внимания дочери они не могли. Девочка, оставаясь часто одна, научилась разогревать, а затем и готовить пищу, усовершенствовала навыки самообслуживания, приобщилась к деревенскому домашнему хозяйству. По хозяйственным же надобностям заходили многочисленные, как это водится в деревнях, родственники и знакомые. Не заставая дома взрослых, они по необходимости вступали в контакт со слепоглухонемым ребенком. И как-то так получилось, что кое-кто научился объясняться с Марией, а она и сама с удовольствием обучала желающих

жестам и пальцевым буквам. «Премудрость-то» оказалась не столь уж непостижимой для грамотного человека, и нужно-то было всего два-три дня общения, чтобы сносно научиться дактилировать слова. Если же человек оказывался не способным к обучению, то Мария просто подставляла ладонь и собеседник выводил на ней печатные буквы.

Так постепенно расширялась сфера общения слепоглухонемого ребенка.

В послевоенный период восстановления сельского хозяйства при недостатке рабочих рук нашлось применение и для Марии. Она поступила на работу в колхоз, где систематически перевыполняла нормы. Общение девушки расширялось все больше и охватывало практически население всей деревни. Для семьи же Мария стала основным добытчиком, и домашнее хозяйство по причине болезни матери лежало на ее плечах. По словам отца, Мария сама развела огород, сажала, пропалывала и поливала овощи.

В невнятной речи Марии я так и не сумел разобрать ни слова. Между тем и отец, и мать да и заходившие при нас родственники легко ее понимали. Очевидно, нужна была привычка, тренированный на ее произношение слух.

Было бы преувеличением говорить о высоком интеллектуальном развитии Марии. Но трудолюбие и ответственность за благополучие семьи, которыми обладала эта женщина, были поразительны и вызывали восхищение.

Но вот в одном из специальных зарубежных журналов читаю об эксперименте, проведенном учеными. Они решили исследовать возможность и надежность контактов слепоглухонемых с обычными людьми. Для этой цели в одном из инвалидных домов подобрали группу престарелых слепых, добровольно согласившихся участвовать в эксперименте в качестве собеседников для слепоглухонемых. Обучили их пальцевому общению и поместили в этот инвалидный дом группу слепоглухонемых юношей. Начальный энтузиазм слепых стариков, изнывавших в условиях инвалидного дома от безделья, превзошел все ожидания экспериментаторов. Но прошло совсем немного времени, как в своих ответах на вопрос

анкеты «Кого из окружающих вы предпочитаете для собеседенных бесед?» ни один из добровольцев не указал ни одного слепоглухонемого. А вскоре их контакты со слепоглухонемыми и вовсе прекратились. Эксперимент не оправдал надежд, его пришлось прервать во избежание психической деградации слепоглухонемых, оказавшихся в изоляции.

Что же произошло? Почему свободные от забот люди не захотели общаться со слепоглухонемыми? Делать-то им все равно было нечего! Да в том-то и дело, что забот не было, не было и предметной базы для общения, отсутствовал совместный труд.

В случае с Марией Сокол нужда, диктующая неотложную необходимость в повседневной многоплановой деятельности, двигала слепоглухонемого ребенка по пути человеческого развития, обретения им самостоятельности. А затем совместный коллективный труд в колхозе умножил ее трудовые навыки, развил общение. В эксперименте же, о котором мы рассказали, обеспеченная жизнь престарелых, отсутствие совместных трудовых процессов, а потому и общей заинтересованности в контактах препятствовали организации развивающей среды.

В связи с переходом к самостоятельной трудовой деятельности наши воспитанники испытывают необыкновенную гордость за свое новое положение. Это проявляется в некоторых изменениях их поведения, в переписке с родителями, в беседах относительно жизненных перспектив. Так, в разговоре со своей мамой Наташа Ш., работавшая на монтаже электрического шнура, заявила: «Представляешь, мы получим квартиру, купим утюг, а провод для нашего утюга сделала я. Здорово!»

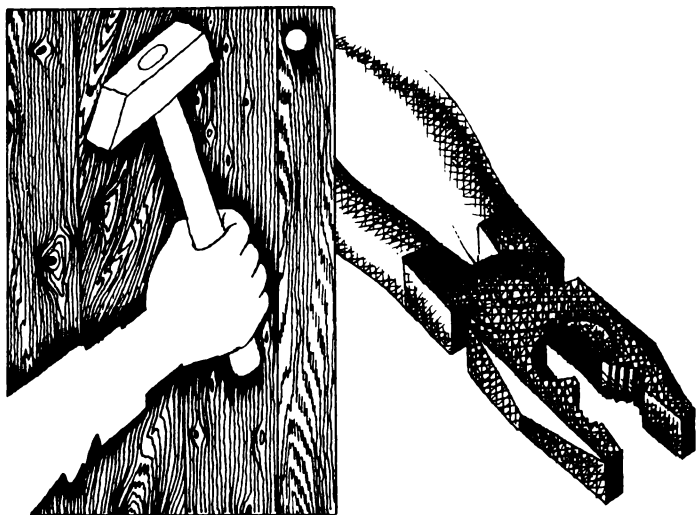
Иногда бывает и так. Одна из бывших воспитанниц, переполненная чувством избыточного самоуважения, сочла возможным ответить на какое-то незначительное замечание воспитателя следующее: «Вы не вправе делать мне замечания, так как я уже не ученица, а самостоятельная работница».

А вот впечатления одного из молодых слепоглухонемых рабочих от первого года работы на производстве, изложенные им в заметке для детдомовской газеты.

«Что дал мне год работы в УПП

Я поступил работать на УПП ВОС 4 июня 1973 года. Меня поставили на место, где рабочие делают вилки штепсельные со шнурами. Меня научили собирать вилку. В первый раз я делал долго вилку. Я делал сначала две пачки в день, а потом стал делать быстрее — четыре пачки. И вот я работаю сборщиком. Потом со мной познакомились рабочие. Они разговаривали со мной о работе и о жизни. У меня нормальные дела. Мне работается легко. Я быстро работаю. В обеденный перерыв мы идем обедать, а потом возвращаемся в цех. Мы немного отдыхаем и начинаем работать. В свободное время мы с рабочими ездим на экскурсии. Ездили, например, в г. Переславль-Залесский, в музей, потом на Переславское озеро. Мы хотели было там купаться, но погода была холодная. Мне понравилась экскурсия.

Наши ребята-рабочие тоже стараются делать всегда продукцию только высокого качества. Поэтому надо думать не только о деньгах: «Как бы больше заработать».

Лучше думать: «Больше денег и больше отличных изделий без брака».

Чтобы не стать эгоистом, нужно общаться с другими рабочими. Некоторые наши слепоглухонемые рабочие активно общаются со своими товарищами по работе, учат их дактилологии. Если все наши ребята будут активно общаться с другими рабочими, то их будут уважать и любить.

Недавно, когда наши ребята еще не работали на УПП, многие говорили, что слепоглухонемые не смогут работать хорошо и много, как слепые. Они говорили, что слепоглухонемым нельзя работать со слепыми на УПП потому, что они будут мало работать и будут мешать коллективу выполнять план. А что получилось? Наши ребята прекрасно работают со слепыми на УПП, даже лучше их. Своей хорошей и активной работой наши ребята доказали, что люди, которые плохо говорили о них, думали неправильно. Вот так, делом, работой нужно доказывать людям, что мы, слепоглухонемые, не хуже слепых и даже зрячих людей. Поэтому нужно стараться хорошо и активно работать и учиться в свободное время, принимать активное участие в общественных мероприятиях УПП: вечерах, соревнованиях, играх.

Рабочие, которым нужны только деньги, не знают, как полезно провести свободное время после работы. Им ничего полезного, ничего интересного не хочется делать для других людей. Самое интересное для таких рабочих — это водка, праздные пустые прогулки. Чтобы не жить такой праздной жизнью, нужно жить среди других людей, делать для них добрые дела, учиться, заниматься интересными, полезными для себя и для других людей делами».

Что и говорить, повествование бесхитростное и не очень складное. Но какая уверенность в правильности избранного пути, гордость за рабочее звание и стремление к духовному нравственному совершенствованию!

Разве это не пример для обычных детей, у которых значительно больше возможностей научиться приносить пользу обществу? Пример и для родителей, заботой которых должно быть раннее приобщение сыновей и доче-

рей к труду и верная их ориентация в жизненных перспективах.

Нельзя труд ребенка в семье ограничивать обретением им каких-то разрозненных навыков. Труд должен стать привычкой, потребностью, сложиться в систему повседневной деятельности. Часто приходится слышать суждения родителей на то, что они учили ребенка трудиться, «заставляли» его выполнять различные полезные для семьи хозяйственные поручения. Однако это не достигло цели. А дело в том, что из-под палки нельзя приобщить ребенка к труду, привить ему чувство удовлетворения от самостоятельно выполненной работы. Важно добиваться сознательно планируемой самим ребенком повседневной деятельности. Только добровольный труд в пределах осознанной необходимости может стать мощным резервом формирования и развития способностей.

Захожу в мастерскую, где, сидя за верстаками, на которых стоят небольшие станочки, трудятся над изготовлением булавок воспитанники моей группы, и сразу же наметанным глазом выделяю наиболее усердного. Подхожу и кладу ему руку на плечо. Подросток поднимает голову.

— Ну, как дела? — отрубая я четко на пальцах.

— Хорошо! — взлетает вверх большой палец воспитанника. Я вижу на верстаке рядом с Сашей огромный ежик острых свежезакрученных булавочных пружин.

— Устал?

— Нет, Сережа устал, — иронически улыбаясь, кивает он в сторону соседа, работающего с лентой.

Моя рука скользит с плеча Саши. Я начинаю демонстративно ощупывать мускулы его руки, делаю одобрителный жест и дактилирую энергично для всех:

— Саша хорошо работает, Саша сильный!

Затем приближаюсь к Коле, исследую его мышцы и тоже одобрително поднимаю большой палец.

— Хорошо!

Сережа в нашей группе недавно, желания трудиться не обнаруживает. Я к нему не подхожу, но наблюдая за ним, вижу, что он заинтригован и ерзает на своем месте. Наконец он не выдерживает и, показывая на

свое предплечье, предлагает оценить силу его мускулов.

Я напрягаю свои мускулы и даю ему их потрогать. Затем кладу ладонь его руки на маленькую кучку изготовленных им пружин, показываю жестом: мало! И сочувственно качая головой, ощупываю его тоненькую мягкую руку.

— Надо тренироваться, — говорю я Сереже и для наглядности несколько раз ударяю кулаком о кулак, что означает тренировку в труде. Сережа начинает усердствовать и в каждый мой приход подставляет предплечье для исследования.

Конечно же, это одна из наших хитростей в первоначальном вовлечении ребенка в труд. Личный пример, намек, своевременная помощь, специально созданная ситуация, вызывающая у ребенка необходимость к действию, мимоходом выраженная похвала — все используется в этих целях. Только не принуждение.

Я думаю, самый почитаемый у наших ребятишек палец — большой. Большим пальцем выражается наивысшая похвала действий ребенка. Но большой палец способен выражать не только восклицательные эмоции, он имеет свойство в сочетании с мимикой задавать собеседнику вопрос, а лучше сказать, просьбу оценки. Сделает ребенок какое-нибудь полезное, на его взгляд, дело, а потом вдруг почувствует некоторую неуверенность или щемящее чувство неразделенного успеха и начинает искать свидетеля содеянного, который бы утвердил его мнение о полезности акции и собственным сопереживанием удвоил бы радость ребенка. Но разве легко найти такого? Который бы не отмахнулся, не придавил бы радость творца равнодушием? Очень трудно! Бывает, легче найти поддержку в невзгодах, а уж сочувствие горю тем более. Но как все-таки трудно увидеть искреннее сопереживание личного твоего успеха! Трудно! Да и небезопасно. А вдруг позавидует тебе твой приятель? Что тогда?

Но все это известно нам, взрослым людям, а у детей — в их неизведанном житейском море столько подводных рифов, о существовании которых они пока и не подозревают. Выставляет ребенок большой палец и кру-

тит им перед носом случайного свидетеля его подвига, вопросительно и доверчиво заглядывая в глаза.

Похвала... Роль похвалы в воспитании любого ребенка трудно преувеличить. Это один из основных стимулов мобилизации резервов, развития способностей.

Вот вбегает в кабинет Вова К. и, ликуя, призывно машет рукой с поднятым большим пальцем. Другой рукой он держится за косяк двери, чтобы не упасть от перевозбуждения. Значит, что-то выдающееся сделал. Тут уж не медлишь, срываешься со стула и торопишься разделить радость ребенка от его успеха. А успех-то всего-навсего — аккуратно сложенное на этот раз полотенце. Вот оно — на спинке кровати уныло тянет вниз свою вялую бахрому.

Но порция ласки творцу гарантирована: ладонь взрослого приглаживает неумолимые вихры на податливой головке. А другая рука сопровождает эти поглаживания энергичным выбросом вверх вожделенного большого пальца. Гордый стоит сияющий Вовка в окружении ребят.

Конечно, другого ребенка можно было бы похвалить за то же самое посдержаннее. Выставив, скажем, не большой, а средний палец. Что означало бы средней оценкой успеха, которая выражается обычно безликим словом «ничего» или снисходительным «сойдет». Но тут... Тут случай особый. Для Вовы — это первый самостоятельный успех.

В рабочей обстановке средний палец используется гораздо чаще — он открывает перспективу совершенствования, указывая на то, что можно сделать лучше. А уж если ребенок сам не в состоянии выполнить задание, взрослый демонстрирует приемы, ведущие к его завершению. Пальцев на руке, слава богу, достаточно. Вот и выставляешь чаще всего не самый главный. Это дает возможность при очередном успехе ребенка повышать ранг похвалы.

В обучении слепоглухонемых детей умению преодолевать трудности, в развитии у них предприимчивости используются естественные ситуации.

Ночью прошел сильный снегопад. Школьный двор покрыло толстым слоем снега. Слепоглухонемой Виктор К.,

решивший отправиться в мастерскую, увяз с первых же шагов в снегу, попятился назад и начал издавать громкие звуки, выражая свое негодование и призывая на помощь. Воспитатель мог бы, конечно, сам расчистить для Виктора дорожку от крыльца школы до мастерской или привлечь для этой цели слабовидящих глухих воспитанников. Но он предложил это сделать самому Виктору, вручив ему лопату и сориентировав в направлении. При умеренной помощи воспитателя Виктор успешно справился с заданием.

Слепоглухонемой Федор С., доставая сено кроликам, взбирался на сеновал по крутой снежной насыпи, не догадываясь вырубить в спрессованном снегу ступеньки. Оказалось, что достаточно было намека: воспитатель воткнул на пути Федора лопату. Федор наткнулся на нее, постоял некоторое время в задумчивости и принялся рубать ступеньки.

Иногда для тренировки детей мы создаем искусственные трудности. Летом песок для детской площадки сгружают с автомашины у входа на площадку, намеренно затрудняя доступ к ней. Чтобы расчистить путь, воспитанникам предлагается переносить песок в песочницы детскими ведерками, носилочками, перевозить маленькими тележками. В зимний период при расчистке дороги от корпуса к качелям образуется завал. Дошкольники, добираясь до качелей с помощью воспитателя, учатся преодолевать препятствие, а потом и устраняют его, взявшись за лопаты. Отличным средством физической тренировки, развития предприимчивости и самостоятельности является обычная снежная горка.

И все-таки наличие у слепоглухонемых различных трудовых навыков, способности ориентироваться в различных ситуациях еще не означает их подготовленности к жизни. Только при условии привычки к систематической трудовой деятельности возможно дальнейшее успешное умножение трудовых навыков, развитие чувства социальной ответственности, саморазвитие. Систематическая трудовая деятельность и общение на ее базе при самостоятельной взрослой жизни слепоглухонемого человека устраняют риск его психической деградации.

Глава III

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Об этом полезном акте мышления мы вспоминаем, когда отправляемся в туристский поход или в электричке по пути на дачу, досадуя о забытых дома спичках, минеральных удобрениях или лопате.

Когда же речь идет о воспитании детей, фигурируют, как правило, другие термины. Но при воспитании слепоглухонемых детей без прогнозирования и предусмотрительности обойтись нельзя, как без стратегии и тактики в военном деле.

Мы дерзаем произвольно и осознанно творить человеческую психику у слепоглухонемого ребенка и знаем, что успехи в ее первоначальном формировании зависят от того, как скоро и какие из окружающих предметов освоит ребенок, насколько успешно усвоит логику их использования, их культурные функции. Поэтому мы четко должны представлять себе, какие психические образования хотим сформировать, и в соответствии с этим предусмотреть определенный интерьер детской комнаты. Вначале он должен быть постоянным и все предметы должны находиться на определенных местах, чтобы ребенок не получал от них неожиданных неприятностей. И главное — все очеловеченное пространство детской комнаты должно быть подчинено строгой целесообразности.

Определенная атрибутика сопровождает и все предметные действия ребенка в течение дня. И сам день расписан так, что завершение одного действия служит ребенку сигналом для начала другого. Умылся, причесался (а в начале совместной разделенной дозированной деятельности: умылись, причесались), застели постель, иди в столовую, надень передничек, сориентируйся за столом, возьми в руку ложку и так далее весь день — одна деятельность сменяет другую.

Но вот воспитатель вышел с ребенком во двор детского дома — и тут предусмотрительность. Сразу же начинается обучение ориентировке во дворе, чтобы ребенок сам потом умел находить дорогу на детскую площадку, к качелям, песочнице, на веранду... И всегда воспита-

тель чуточку впереди, чтобы в любую секунду прийти на помощь ведомому: не должен он в самом начале испытывать какие-либо болевые и просто неприятные ощущения от столкновения с препятствиями, иначе начнет сопротивляться дальнейшим усилиям воспитателя.

Наконец ребенок изучил интерьер своей комнаты и передвигается в очеловеченном пространстве привычно и безошибочно. Но ведь в жизни масса изменений, и с ними потом обязательно столкнется ребенок. К этому его надо предусмотрительно подготовить. И вот то одна, то другая деталь интерьера оказывается сдвинутой, подвинутой, убранной. С этими перемещениями ребенка вначале предварительно знакомят, а потом он сам приучается прогнозировать возможные изменения.

Но вот вопрос. Всегда ли мы создаем целесообразное очеловеченное пространство для наших обычных детей? Не загромождаем ли мы его излишествами во имя уюта, забывая, что уют — это и есть целесообразность? Может быть, кто-то подсчитал, каким ущербом для развития детей оборачивается отсутствие такой заботы? Вместо спортивных снарядов и столярного верстака — ковры и паласы, вместо кормушки на форточке — тюль во все окно...

А первое слово, которое внедряется в сознание ребенка? Без предусмотрительности задача эта не разрешима. Что же следует предусматривать? Прежде всего конкретные слова, которые мы собираемся внедрить в сознание ребенка. Но еще раньше мы наблюдаем за ним, стараясь выявить предметы и действия, которые больше всего его привлекают. Их-то и начинают «оречевлять».

Слова должны отвечать следующим требованиям: быть короткими. Не более чем трехсложными — это способствует быстрому их запоминанию; обозначать предметы и действия, притягательные для ребенка, — фактор заинтересованности; и, наконец, использоваться в течение дня по несколько раз — это способствует закреплению. Затем предусматривается естественная или создается искусственная ситуация. Но представьте себе такую ситуацию. Так, скажем, если ребенку из всех третьих блюд нравится больше всего компот и ничего

в жизни его больше не интересует, — все равно считайте, что вам повезло, и призовите этот компот себе в союзники. Слово двухсложное, в притягательности объекта, им обозначенного, вы убедились, остается давать ему вожаемый напиток почаще. Даете, а сами шепчете своими пальцами ребенку под ладонь: «ком-пот, ком-пот, ком-пот», и так до изнеможения, пока он вдруг на какой-нибудь пятисотый день не обратит внимания на вашу мышиную возню в его ладони. Обратит внимание и... начнет ее отнимать, как только почувствует первое прикосновение. Вот тут и надо запастись предусмотрительно терпением и настойчиво продолжать мучительное занятие. Наконец он смирится и настолько привыкнет к неизбежному совмещению двух действий, связанных с наличием чашки в одной руке и ваших пальцев — в другой, что сам будет подставлять ладонь. Но теперь уж вам нужны будут его пальцы, из которых вы попытаетесь сложить те самые фигуры, что составляют слово «ком-пот». Не надо обольщаться, но и не следует падать духом, если это занятие ребенку не понравится и он попытается уклониться от обучения. Каждый день по несколько раз вы будете давать ему компот и складывать его пальчики хотя бы в единственную начальную букву слова. Как только он с вашей помощью сложит букву «К», можно считать, что лед тронулся. Теперь надо убедиться, что он связал эту букву с желанным действием и просит у вас компот, а не куклу. И снова работать, работать и работать, пока наконец вы не получите целое слово из рук вашего «мучителя» и счастливые увидите домой, чтобы назавтра в отчаянии от его забывчивости начать все снова. Но пусть вас утешает мысль, что наступит все-таки момент, когда у вас будет уверенность в способности ребенка воспроизводить слово. Теперь вы будете решать, насколько четко он произносит на пальцах название любимого напитка, чтобы вознаградить его за успехи. Главное — внедрить в сознание ребенка первое слово: дальше будет легче. Но это не значит, что будет легко.

А теперь подумаем вместе, почему слово «мама» усваивается обычным ребенком в первую очередь. Оказывается потому, что подчиняется тем же правилам: ко-

роткое, необычайно притягательное, объект, им обозначаемый, доступен ребенку повседневно. Но это уж при рода так распорядилась. А какое второе, третье и так далее слово предусмотрели мы, родители, для внедрения в сознание обычного ребенка? Никакого! Дальше все подчинено стихии. А может быть, формирование первоначального словарного запаса обычным ребенком полезно направить в продуманное целенаправленное русло?

Почему, скажем, у дитяти одним из первых появляется слово «дай»? Не лучше ли внедрить в его сознание противоположное ему по значению «на» и воспитать у него соответствующие альтруистические наклонности?

Поторопились мы с разговором о слове. Ведь формирование высших психических функций начинается не со слов. Между предметом и словом вклинивается жест. Зачем он нужен? Для того, чтобы слепоглухонемой ребенок осознал, что каждый предмет, каждое действие, любое явление можно обозначить символом. Таким символом предмета может быть его рукотворная копия. Достаточно сложить пальцы так, чтобы фигура, ими образованная, напоминала предмет — и символ готов. Так, возьмем, к примеру, жест «стакан». Нет ничего проще этого символа: кисть руки держит воображаемый стакан. Или, например, жест «дом»: кисти рук сомкнуты верхней частью пальцев под углом наподобие крыши. Такой символ — очень нагляден. Так и просится в сознание.

Жест несет в себе черты схожести с обозначаемым предметом, поэтому легко доступен даже зачаточному воображению. Собственно, он-то и есть первый этап в развитии воображения у слепоглухонемого. Он же первая ступенька абстракции на пути к слову. Предусмотрительность? Конечно! Сразу к слову не подступишься, ведь у него нет никаких черт схожести с предметом, здесь примитивного воображения маленького слепоглухонемого оказывается явно недостаточно.

А есть ли аналогия между жестовым языком слепоглухонемых детей и первоначальным общением обычных? Думается, есть. Первыми средствами общения тех и других являются так называемые жесты показа.

Обычный ребенок показывает матери (не обязательно пальцем, он может закричать, заплакать при виде предмета, а мать должна догадаться, по поводу чего крик) на желанный предмет, слепоглухонемой ребенок, как правило, за руку тянет родителей к тому месту, где, по его предположениям, такой предмет может находиться. Но у зрячеслышащего ребенка есть еще на вооружении формирующаяся нечленораздельная и только близким понятная речь, с помощью которой он добивается исполнения своих желаний. Через практическое использование этой речи ребенок и узнает, что каждый привлечший его внимание предмет можно обозначить, подражая взрослым звуковыми символами. Вот эта-то зачаточная речь и заменяется при слепоглухонемоте жестами.

От того, насколько успешно освоит тот и другой ребенок возможность обозначения окружающих предметов, действий и явлений, один звуковыми, а другой — пальцевыми символами, и перейдет к следующему этапу — овладению словесной речью, зависит его дальнейшее развитие. Здесь есть опасность заикливания из-за несвоевременного перехода от одного этапа развития к следующему. Оказывается, резервы психического развития ребенка необходимо закладывать своевременно, и то, что было благом на предыдущем этапе, может обернуться крупными неприятностями на следующем.

При воспитании слепоглухонемых это особенно заметно и чревато опасными для их развития последствиями. Жесты хороши как средство первоначального развития воображения ребенка и внедрения в его сознание идеи возможности обозначения окружающих предметов, действий и явлений через символы. Затем они некоторое время служат специальными средствами общения с воспитателем. На этом их положительная роль в развитии слепоглухонемого ребенка исчерпывается. Если жестовое общение выходит из-под контроля воспитателя — жди беды, оно начинает вредить развитию словесного общения на дактильной основе, так как вступает в противоречие со словами.

Дело в том, что жест, даже незнакомый, легко понимается и усваивается ребенком, воображение которого

к этому времени становится достаточно развитым. Слово же соотносится с предметом значительно сложнее, да еще запомнить его надо. А это тем более трудно, что каждое слово состоит не из одной фигуры, как жест, а из нескольких. Кроме того, при недостатке средств общения дополнительный жест можно изобрести, отобразив в нем характерные черты предмета или явления. И он будет понят окружающими. Слово же, которое бы сразу же все поняли, изобрести нельзя. Вот и старается ребенок в общении со сверстниками идти по линии наименьшего сопротивления, обрстая, словно снежный ком, жестами. А уверившись в их пользе, сопротивляется обучению словесному языку.

Вот тут-то и нужна предусмотрительность: пока не будет заложен надежный резерв словесной лексики, общение ребенка нельзя выпускать из-под контроля воспитателя. Нельзя переводить его из сферы индивидуального самообслуживания, при котором единственным его партнером является воспитатель, в сферу самообслуживания коллективного, предполагающего сотрудничество и интенсивное общение с другими детьми.

Вот и еще одна аналогия с нормой. Если ребенок находится среди близких людей собеседника на примитивном языковом уровне, то и психическое, и языковое развитие ребенка будет замедлено. Так, иногда происходит снижение темпов речевого развития в близнецовых парах обычных детей. Они хорошо понимают друг друга и без слов, только с помощью жестов и предметных действий. Для успешного психического развития любого ребенка нужно следить за своевременным повышением уровня его деятельности и общения. Вовремя закладывать качественно новые резервы развития. Анализ развития и последующей жизни слепоглухонемых, ставших уже взрослыми и вступивших в самостоятельную жизнь, подтверждает это.

А вот еще одна извечная дилемма: оберегать ребенка от знакомства с отрицательными явлениями жизни или нет? Мы, например, считаем: и да и нет. В этом есть своя диалектика, а она, в свою очередь, тоже связана с предусмотрительностью и проблемой резервов.

Жизнь полна неожиданностей, и на долгом ее пути

ребенок неизбежно соприкоснется не только со светлыми явлениями, но и с теневыми сторонами жизни. Наша задача состоит в том, чтобы слепоглухонемой из этих соприкосновений вышел достойно. Значит, надо создать у ребенка нравственный иммунитет, предусмотрительно заложить резервы невосприимчивости к негативным воздействиям. Поэтому важно познакомить ребенка с доступными его пониманию теневыми сторонами жизни в тот период, когда рядом есть близкий опытный человек, который сумеет правильно сориентировать его, объяснить смысл и пагубность того или иного явления. Таким образом, еще в системе отношений с близким взрослым ребенок должен сориентироваться в оценках добра и зла. Но для этого требуется соответствующий уровень развития ребенка, раньше достижения которого такое знакомство было бы неоправданным.

— Умер, — вбегает в кабинет возбужденный десятилетний Сережа, беспрестанно скрещивая на груди руки.

— Пьяный, — щелкает пальцем по собственной скуле тринадцатилетний Витя, появившийся следом.

— Спит, — добавляет Коля, прикладывая к щеке ладонь, изображая спящего, и, брезгливо морщась, оттопыривает мизинец, — плохо!

— Кто? — недоумеваю я.

— Дядя Ваня — кочегар спит на лавочке, — поясняют, перебивая друг друга, дети, — пьяный.

Гурьбой идем исследовать явление. За нами тянется изрядный шлейф уже оповещенных о событии ребят: все новости в детдоме распространяются молниеносно.

И вот под сенью листвы в укромном уголке нашего двора мы находим мертвеца пьяного дядю Ваню. В те далекие времена, когда в полуподвальном помещении детдома была своя котельная, в обязанности этого со-рокалетнего мужчины входил подогрев воды для разных хозяйственных нужд.

Мы стоим и рассматриваем потерявшего человеческого облик сотрудника. Вид его непотребен.

— Когда только успел? — разводит руками подбегавшая воспитательница.

Первое желание — увести детей, не дать им оскверниться видом этого упавшего человека, оградить от со-

прикосновения с пороком. Вот и воспитательница начинает прогонять детей. Но я останавливаю ее.

— Пусть смотрят. Порок, представший глазам нормального человека в своем неприглядном виде, воспитывает больше, чем нотации.

Вот слабовидящий Сережа, взяв за руку слепоглухонемого Лешу, дает ему поосязать бесчувственное тело. Леша касается неряшливой одежды, внюхивается в отвратительную смесь запахов, вытягивает в сторону мизинец, и я тотчас же отправляю друзей мыть руки. У оставшихся короткими выразительными репликами стараюсь усилить брезгливость и возмущение состоянием дяди Вани. Сейчас моя задача умножить негативное воздействие явления на детей.

— Надо позвонить в милицию, — предлагает жестом один из ребят. Кто-то уже пошел звонить. Приезжает машина, и дети видят, как без излишней предупредительности пьяницу заталкивают в мрачную коробку кузова.

Через несколько дней происходит очередная смена кочегаров. Я вижу у доски приказов кучку детей, оживленно обсуждающих увольнение дяди Вани. Подхожу к ним и включаюсь в обсуждение его дальнейшей незавидной судьбы, тяжелого положения, в которое он поставил собственную семью. По реакции ребят видно, что воспитатели уже провели надлежащую работу, дети единодушно осуждают дядю Ваню и отвергают пьянство.

Я вовсе не призываю устраивать экскурсии школьников в медицинские вытрезвители, но стоит задуматься над тем, что обычные дети с этим пороком знакомятся чаще всего через веселое застолье собственных родителей. То есть воспринимая порок с парадной его стороны. Негативная же сторона этого пагубного явления доходит до них порой слишком поздно, и они оказываются не готовыми к противостоянию.

Многое в работе тифлосурдопедагога требует предусмотрительности. Ведь слепоглухонемому ребенку надо дать представление обо всем том, что самостоятельно постигается обычными детьми без особого труда в процессе жизненной практики. Ничего нельзя упустить. Иначе останется пробел, о который он потом будет спотыкаться всю жизнь.

В связи с этим вспоминается известная всем побасенка о якобы неизбежной ущербности представлений при отсутствии зрения. Одному слепому, пожелавшему получить представление о слоне, удалось пощупать только хвостик, другому повезло больше — он ощупал хобот. Чтобы подобного не случилось с нашими детьми, мы используем всякую возможность для формирования у них исчерпывающих представлений о явлениях окружающей жизни. О слоне тоже. В уголке Дурова нам дают ощупывать слона от хвоста до хобота.

А побасенка эта, как нам кажется, касается вовсе и не слепых, а вообще тех людей, которые созерцательно формируют свои представления о мире, не пытаясь проникнуть в суть явлений, путем практического воздействия на них. Вот у них представления действительно страдают ущербностью. И народная мудрость давно подметила этот факт: «Не видит не тот, у кого глаз нет, а тот, кто умом слеп».

Для расширения осведомленности наших ребятишек куда их только не водят и не возят! И на экскурсии в музеи, где, учитывая наше необычное положение, предупредительно открывают охраняемые стеклом витрин экспонаты, и на различные предприятия, и в учреждения.

Для этой цели мы заводим собственное хозяйство, которое в миниатюре воспроизводит различные стороны хозяйственной деятельности человека, организуем выезды в природу. Так создаются резервы представлений на всю последующую жизнь. Иначе, где потом слепоглухонемой узнает, как живут и что едят животные и вообще, что они собой представляют, как выглядит дом выше вытянутой вверх руки, что такое самолет, вертолет, танк, да и простой автомобиль? А железнодорожный мост, а речка под мостом, а ржаное поле, жатва, комбайн, стог? И чем отличается сено от соломы?

Интересно, что бы сказали на это обилие специально преподаваемых ребенку сведений те, кто сетует на перегруженность программ массовой школы? Ведь слепоглухонемому для завершения школьного образования в учебном процессе приходится воспринимать от своих учителей столько дополнительного материала!

Впрочем, обратимся к свидетельству человека, в этих

вопросах компетентного. На заседании учебного совета МГУ имени М. В. Ломоносова, посвященном успехам слепоглухонемых студентов, академик АПН СССР А. Р. Лурия сказал: «Трудно поставить что-либо рядом с тем образцом героизма и с той вершиной успеха, которые мы видим сегодня на опыте наших четырех товарищей. Я не могу не сказать, что если бы сила мотивов, которые движут ими, равномерно распространялась на всех наших студентов, если бы все наши зрячие и слышащие студенты работали с такой же целенаправленностью, используя те возможности, которые у них есть, то, вероятно, они бы горы свернули...»

Так что у обычных учащихся по сравнению со слепоглухонемыми — громадный резерв возможностей. Взять, к примеру, источники информации. Для обычных детей их столько, сколько предоставляет цивилизованное общество. А у слепоглухонемых всего два: рука собеседника и книга. Даже третьего не дано! Но при дактильном общении рука собеседника, встречая сопротивление пальцев считывающей руки, очень быстро устает и просит отдыха. А книги... Во-первых, не вся необходимая информация переведена на язык выпуклых букв, во-вторых, процесс чтения пальцем в два раза медленнее, чем чтение глазами плоскопечатных текстов. К сожалению, пока еще методы обучения ставят ограничения в передаче информации.

Возвращаясь к теме нашей главы, приведу еще пример.

Ни один из наших выпускников, ныне работающих в Загорском УПП ВОС, не пристрастился к табаку. В чем причина необыкновенной невосприимчивости к табачному зелью? Очевидно, в том, что весь период жизни в детском доме они не имели примера к подражанию. Хотя были хорошо осведомлены, что есть курящие люди. Но к этому явлению мы старались как можно раньше воспитать у них резко отрицательное отношение.

А вот здоровые ребята, энтузиасты, достойные всякой благодарности и похвалы за безвозмездный труд в пользу детского дома, не могут отучиться от этой пагубной привычки. Они приезжают к нам добровольно на выходные дни, а иногда живут неделями, тратя свой отпуск или

каникулы на общение со слепоглухонемыми детьми и помогая детскому дому по хозяйству. Среди них молодые рабочие, студенты институтов и учащиеся техникумов, ПТУ. Они — наши желанные помощники. Мы их всегда ждем. Все в них достойно подражания. Кроме... досадной слабости: некоторые не могут жить без сигарет.

Как только не боролись мы с этим пороком! Разъясняли — наши оппоненты соглашались. Стены, где они жили, оклеивали заметками противоникотинного содержания. Читали, обсуждали и как будто все понимали. Брли на себя обязательства и... все-таки не выполняли. Ругали, запрещали! И мы обессилили. Ограничились наконец тем, что отвели место для курения за пределами двора детского дома, вблизи большой кучи мусора, чтобы противнее было приближаться к курильщикам неискушенным еще в этом пороке ребятам. И все-таки, к нашему огорчению, к ним приближались и включались в компанию зеленые их последователи.

Будучи в самом лучшем смысле этого слова образцом для подражания в своем отношении к жизни, в миропонимании, наши друзья привлекали к себе молодежь, которая, к сожалению, без разбора перенимала и хорошее, и плохое. Эту прилипчивую страстишку тоже. Не была, очевидно, воспитана своевременно у них невосприимчивость к этому лишь на первый взгляд безобидному пороку.

Конечно, при воспитании обычного ребенка всех жизненных коллизий, в которые он попадет, не предусмотреть, хотя в ранний период это вполне возможно. Воспитание слепоглухонемых детей отличается еще и тем, что предусмотреть легче, направить в желаемое русло деятельность и общение ребенка проще, да и сам период развития под контролем воспитателя в этом случае значительно растянут.

Глава IV

МЫ ОЧЕНЬ ИЗБАЛОВАНЫ

Резервы развития в работе со слепоглухонемыми детьми приходится создавать порой самыми необычными способами. Нет зрения, нет слуха. Но окружающий мир воспринимать надо, да еще столь же полно его

представлять, как и обычные люди. Так что же это за резервы?

Такие резервы таятся в возможностях специального обучения руки не свойственным ей социальным функциям. Той самой руки, которая вывела нашего предка из животного состояния. Не подвела она свое детище и в несчастье. Рука оказалась способной не только воздействовать на окружающий мир, изменять его и самого человека. Рука может взять на себя воспринимающие функции органов зрения и слуха, ее можно научить по-человечески видеть и слышать, служить органом общения между людьми.

Более того, она, оказывается, в состоянии научиться говорить, то есть взять на себя функцию речеобразующих органов. Так называемая дактильная речь, то есть язык пальцевых букв, заменяет слепоглухонемому естественную для обычного человека звуковую речь.

Но одно дело подменить зрение и слух в части восприятия окружающего мира, представленного естественными объектами и изделиями рук человеческих, звуками природы и деятельности людей. Тут все ясно: ощупывай, воспринимай вибрацию и познавай. Да только этого в наше время мало. Надо же уметь и читать. Опять рука спешит на выручку. Указательный палец становится читающим органом слепоглухонемого. Строчки выпуклых точечных букв после соответствующей тренировки начинают оживать под пальцем ребенка целыми фразами и текстами, отдавая ему фиксированный в печатном слове опыт прошлых и нынешнего поколений. Сам слепой, французский юноша Луи Брайль в XVIII веке изобрел специальную азбуку для слепых, которая и стала называться его именем.

Но только ли письменную речь должен воспринимать слепоглухонемой? А как быть с оперативным общением? И опять нагрузка на руку. Рукой слепоглухонемой научается воспринимать обращенную к нему дактильную речь, если пальцевые фигуры вкладывать ему под ладонь. Такое общение называется дактильно-контактным, потому что осуществляется путем телесного контакта собеседников. Неуловимо мелкими и быстрыми движениями пальцев слепоглухонемой последовательно считывает образованные собеседком фигуры, составляя из них слова и целые

предложения. Это кажется фантастическим. И в самом деле, сцены общения со слепоглухонемыми производят на окружающих впечатление каких-то сверхсенсорных возможностей, которыми будто бы владеют наши воспитанники.

Вот один из эпизодов такого общения при посещении группой слепоглухонемых школьников дома-музея Васнецова.

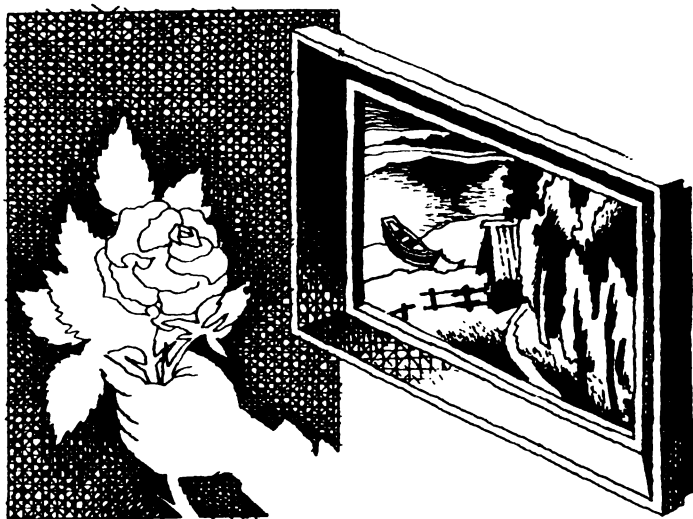
В музейной тишине, при полном молчании дактильно-контактным способом рассказываю я своим слепоглухонемым ученикам содержание экспонируемых картин, упоминаю об истории их создания, об эпохе, в которую они были рождены, сообщаю краткие сведения о жизни их создателей. Ученики слушают меня сосредоточенно, ничто не отвлекает их: ни шорох шагов, ни медленно перемещающиеся вдоль стен люди, ни голос экскурсовода. Они не видят самих картин, их красок, но я уверен, что о картинах, про которые я сейчас рассказываю, они будут знать больше и помнить дольше, чем те, что стоят в группе экскурсантов, крутят по сторонам головами, перешептываются друг с другом и вполуха слушают экскурсовода.

По стуку шагов за спиной угадываю приближение новой группы. По решительным энергичным движениям выделяю из общей толпы девушку-экскурсовода. Вот группа сгрудилась вокруг нее, и она воодушевленно начала свой рассказ. Я ловлю внимание на лицах слушателей.

Ей легче — проносится в моей голове. Она может говорить до бесконечности. А мой язык — руки. Они уже устали: мои говорящие пальцы встречают сопротивление пальцев ребят, которые осязают воспроизводимые мною пальцевые буквы. Замедляю темп рассказа, давая им короткую передышку. И неожиданно ощущаю странную тишину: не слышно даже голоса экскурсовода. Ловлю на лицах экскурсантов внимание и любопытство. Вот только повернуты эти люди не к экскурсоводу и не к картине, а к нашей маленькой группке. Они подталкивают друг друга под локти, кивают в нашу сторону головами, оживленно перешептываются. Экскурсовод с опущенной вниз указкой тоже смотрит на нас и потерянно безмолвствует.

Мои коллеги говорили, что наши манипуляции пальцами производят на непосвященных впечатление чего-то неземного, таинственного. Вот и в глазах этих людей мы словно пришельцы из других миров, стоим перед творениями рук человеческих и молча шевелим пальцами-щупальцами. Но это шевеление вызывает изменения на лицах моих ребят. Они то улыбаются, то хмурятся, то, перебивая меня, сами начинают энергично манипулировать пальцами, кивать в знак согласия головами. Зрелище такой беззвучной, но полной эмоций беседы производит на окружающих действительно гипнотизирующее воздействие. Я вижу крайнее изумление на лицах.

После короткого замешательства, умоляюще на меня глядя, экскурсовод выдавливает: «Молодой человек, пройдите, пожалуйста, в другой зал». Я перевожу просьбу моим спутникам, и, провожаемые заинтересованными взглядами оцепеневшей группы, мы удаляемся. Да, «космическое» будоражит любопытство куда больше земного, думаю я, потряхивая кистями рук, давая им полный отдых.

Если бы не уставали руки, сколько бы можно было сказать моим ученикам! Да, рук всего две, а учеников — трое. Поэтому один либо вынужден ждать своей очереди для беседы, либо получать сообщение через одного из своих товарищей, образуя цепочку.

Однако не обязательно общаться со слепоглухонемыми только с помощью дактильной азбуки. Если образованному слепоглухонемому писать печатными буквами на ладони, то такой способ тоже окажется приемлемым, хотя и не менее утомительным.

Но возможности руки фантастически неисчерпаемы. Оказывается, рукой можно воспринимать и обычную звуковую речь. Правда, для такого восприятия нужна длительная тренировка. И все-таки можно научиться считывать сообщения с горла говорящего по вибрации голосовых связок, следя при этом одним пальцем руки за движением его губ.

Использование приемов компенсации, то есть обучение сохранных органов несвойственным им функциям — это не что иное, как закладывание резервов развития, без которых человек в столь экстремальных условиях может попросту не состояться.

В данном случае на руку слепоглухонемого ложится колоссальная нагрузка. Тем более если учесть занятость руки трудовыми операциями, особенно при включении слепоглухонемого в профессиональный труд. Нельзя ли уменьшить эту нагрузку? Оказалось, например, что передвижение по привычному маршруту не требует участия рук слепоглухонемого для ориентировки, с этим успешно справляются подошвы ног, выбирающие направление по едва заметным неровностям асфальта.

При обучении слепоглухонемого печатанию на обычной печатной машинке десятипальцевым способом возникло затруднение. Ученик терял ориентировку на клавиатуре, так как он вынужден был каждый раз читать пальцем текст, который затем воспроизводил. А не попробовать ли читать пальцем ноги, положив книгу на пол? Тогда руки будут свободны только для печатания. Протестировали, потренировались. Получилось. Правда, соображения гигиены и этики не позволили внедрить этот метод в широкую практику. Однако

мы еще раз убедились, что резервы развития неисчерпаемы.

Принято считать, что у человека пять органов чувств. Однако такое представление — анахронизм, пережиток. Вот что сказал академик С. В. Кравков, крупный специалист по физиологии и биофизике органов чувств: «Обиходное суждение, гласящее, что у человека имеется пять органов чувств: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, — конечно совершенно неправильно. Мы располагаем большим, чем пять, числом особых чувствующих систем. Так, совершенно бесспорно, что «осязание» не представляет собою однородного органа чувств. Те качества ощущений, которые относятся к общей группе ощущений осязательных, весьма различны. Мы имеем ощущения прикосновения, ощущения давления, ощущения тепла, ощущения холода, ощущения боли. Сказать, что эти ощущения однокачественны, никак нельзя. Поэтому внутри того, что обычно называют «осязанием», приходится различать уже целую группу особых чувствительных систем».

Вот откуда резервы компенсации и развития слепоглухонемых детей: «чувствующие системы», обучаясь, встают на службу социальным потребностям формирующегося человека. Именно это позволяет вооружить руку человеческими способностями и сделать ее многофункциональным органом.

Язык — орган вкуса. Осязания наиболее тонкого. Язык и губы применяются для исследования наиболее тонких деталей, мелких вещей. Так, одна из слепоглухонемых девушек с помощью такого осязания отличала белую нитку от черной. Но и тут нет никакой мистики или сверхсенсорики. Осязала она, конечно, не цвет нитки, а ту различную ворсистость ниток, которая зависела от красителя.

Интересно, что на одном из заседаний президиума АН СССР, посвященном вопросам воспитания и обучения слепоглухонемых детей, академик П. Л. Капица задал вопрос о возможности достижения слепоглухонемыми большего профессионального мастерства в каких-то областях, чем обычными людьми. Например, рассуждал он, — слепые — хорошие музыканты, а слепоглухоне-

мые — не могли бы они оказаться хорошими дегустаторами?

Никаких сверхчувствительных способностей не возникает автоматически со слепоглухонемой. Все способности, которые возведены у слепоглухонемых на фантастический уровень, — результат упорной тренировки в условиях жизненной необходимости. Или упорная тренировка — и полноценная жизнь или обеспеченное полуживотное прозябание существа, полностью обслуживаемого, зависящего пожизненно от окружающих.

Осязание — родоначальник всех органов чувств. В плане эволюции оно является самым древним сенсорным образованием, обеспечивающим организм способность к выживанию. Потому-то оно богато оттенками ощущений. Оно дает человеку представление не только о форме, но и о твердости, упругости, хрупкости, вязкости, гладкости, шероховатости, остроконечности, притупленности, положении, величине, поверхности предметов. При посредстве осязания мы получаем ощущения внешнего давления и натяжения кожи, ощущения тепла, холода, вибрации, боли, которая, как известно, имеет важное биологическое значение и отражает свойства не только окружающих предметов, но и изменения состояния собственного тела. Можно жить полноценной жизнью без зрения и без слуха, но человек без осязания существовать не может.

Аристотель в трактате «О душе» впервые выдвинул положение о двух видах осязания — пассивном, присущем всему живому миру и человеку, и активном, специфичном только для руки человека. Активное осязание определяет восприятие тех осязательно-двигательных ощущений, которые возникают при ощупывании. Органами активного осязания являются ладонная поверхность кисти и пальцев: здесь сосредоточено наибольшее число чувствительных и двигательных структур. Поэтому прикосновения руки к разным поверхностям предметов доставляют нам сильные эмоциональные ощущения.

Живая рука обладает 27—30 степенями свободы. «Такой подвижностью не обладает ни один механизм», — отмечал академик И. И. Артоболевский, разработавший теорию механизмов. В реализации сложных движений

одновременно участвуют десятки подвижных суставов, связок мышц, сухожилий, причем их действия непрерывно контролируются и направляются центральной нервной системой с помощью многочисленных датчиков, то есть рецепторов.

И. И. Сеченов на основе физиологического анализа участия органов чувств в рабочих движениях рук у зрячих и у слепых отмечал, что «зрячий избалован зрением в деле познания формы, величины, положения и передвижения окружающих его предметов, поэтому он не развивает драгоценной способности руки, а слепой к этому вынужден, и у него чувствующая рука является действительным заместителем видящего глаза». Этими возможностями обладает рука любого человека, но лишь у слепых и слепоглухонемых они могут быть реализованы. Однако это зависит не от каких-то внутренних, спонтанно действующих сил, вызывающих повышенное «экстрасенсорное восприятие», а является следствием вынужденного развития руки и связано с характером трудовой деятельности, общения.

Человек обладает анализаторами мышечного чувства, которые дают нам понятие о тоне мышц, о степени их напряженности, о натяжении сухожилий, а, следовательно, о положении различных частей нашего тела в пространстве. На этом основано и инструментальное осязание, которое часто используется слепоглухонемыми в практике жизни. Примером такого инструментального осязания может служить трость в руках слепоглухонемого, которой он ощупывает дорогу, вилка и ложка, которыми он пользуется без контроля зрения, и множество других навыков владения предметами-посредниками. Мышечное чувство позволяет слепоглухонемым печатать и на обычной печатной машинке. Кинестетическое чувство вполне обеспечивает высокое качество работы не только слепоглухонемым, но и зрячим квалифицированным машинисткам, печатающим десятипальцевым, так называемым слепым методом.

Культура осязания — важная составная часть общей культуры труда. Формирование культуры осязания играет огромную роль в воспитании, обучении и приобщении к труду слепоглухонемых. Думается, недооценка

роли осязания при воспитании обычных детей — большое упущение.

Но, может быть, мы преувеличиваем значение осязания в человеческой жизни?

Что касается взрослых слепоглухонемых, то работа на конвейере по сборке блоков к телевизорам, которой они заняты, требует особого внимания. Однако отсутствие зрительного самоконтроля не мешает слепоглухонемым рабочим выполнять и перевыполнять нормы, участвовать в социалистическом соревновании наравне со всеми и завоевывать почетные звания «Ударник коммунистического труда», «Лучший по профессии».

Тренированное осязание помогает в работе на конвейере и зрячим рабочим, когда надо на платах монтировать мелкие детали, такие, как диоды, триоды, различного рода сопротивления.

А квалифицированная машинистка? Полагаясь на осязание и на мышечную память рук, она не смотрит на клавиатуру при печатании. Это может только помешать, так как снизится скорость. Зрение ей нужно лишь для того, чтобы считывать воспроизводимый текст.

Кому не знакома способность руки помогать памяти при забытом написании слова? Написал — вспомнил.

Искусство врача-диагноста порой связано с умением на ощупь определять заболевание внутренних органов посредством пальпации.

Можно назвать множество профессий, которые требуют активного участия осязания. Используется оно и в быту. Достаточно вспомнить шипящий утюг, степень нагревания которого мы проверяем пальцем. Иногда мы сами, не отдавая себе отчета, предпочитаем осязание зрению. Свежевыбритый мужчина, как бы тщательно ни разглядывал свое отражение в зеркале, все равно проведет рукой по лицу, убеждаясь, что не допустил изъянов в работе. А какая современная модница удовлетворится созерцанием материала, выбираемого для нового платья, не потрогав его?

Почти все можно осязать и обо всем многообразии жизни получить представление через осязание. Вот только цвет? Ведь цвет — это не что иное, как своеобразное качество световых волн, которые, действуя на сетчатку

глаза, вызывают то или иное ощущение. Слепые не могут постигнуть света — он неосязаем. Но иметь понятие об этом явлении они могут. Великий французский философ — просветитель XVIII века Дени Дидро в своем «Письме о слепых в назидание зрячим», восхищаясь слепым математиком Сандерсоном, который добился больших успехов в области оптики, где, казалось, невозможно было обойтись без зрения, писал: «Ясно, что каково бы ни было глубокомыслие слепого, явления света и цветов ему невозможно постигнуть, но слепой может иметь полное понятие о световых волнах, глухой — колебаниях воздуха».

Интересна в этом плане басня Л. И. Толстого

«Слепой и молоко»

Один слепой от роду спросил зрячего: «Какого цвета молоко?»

Зрячий сказал: «Цвет молока такой, как бумага белая».

Слепой спросил: «А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?»

Зрячий сказал: «Нет, он белый, как мука белая».

Слепой спросил: «А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?»

Зрячий сказал: «Нет, он просто белый, как заяц белая».

Слепой спросил: «Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?»

Зрячий сказал: «Нет, белый цвет такой точно, как снег».

Слепой спросил: «Что же, он холодный, как снег?»

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока».

Подобным приемом пользуемся и мы в своей практике обучения слепоглухонемых. Из объяснений учителя они узнают, что белого цвета бывает свежесыпавший снег, молоко, облака, бумага; зеленого цвета — молодая трава, листья деревьев; красного — зрелый помидор, губы, огонь и так далее. Узнают они и о том, что существуют цветовые оттенки, названные по принадлежности к предмету: кирпичный, малиновый, брусничный и другие. В своей речи они привыкают пользоваться стабильными словосочетаниями. А потом узнают и о слу-

чайных носителях того или иного цвета. Так, бывает зеленая, как трава, рубашка, голубой, как небо, бант, белые, как снег, волосы.

А как используется обоняние в жизни слепоглухонемых?

Для иллюстрации приведем первую встречу педагога со слепоглухонемым ребенком и его матерью, приехавшими из Казахстана.

«Я вошла в учительскую, — пишет в журнале педагог Марьина Л. В., — и увидела женщину с мальчиком, которому было лет шесть-семь. Я поздоровалась с матерью мальчика и задала ей несколько вопросов. Мальчик, которого звали Канатбеком (сокращенно: Канат, Канатик), сразу почувствовал, что мать с кем-то говорит. Он приложил руку к шее матери и, казалось, к чему-то прислушивался — такое у него было выражение лица. Я коснулась слегка руки мальчика. Он быстро отреагировал — схватил мою руку и притянул к себе. Потом приблизил свое лицо к моему, как бы внимательно присматриваясь ко мне. Глаза были широко открыты, но белые зрачки говорили о полной слепоте ребенка. Он начал принюхиваться ко мне, а затем, обнюхав мои руки, резким движением оттолкнул их и сел около матери.

Я снова взяла его за руку и дотронулась до матери. Убедившись, что мама рядом, он дал мне возможность придвинуть стул, на котором лежали кубики, пирамидки, матрешки. Взяв его руку, я приблизила ее к игрушкам. Он быстрым цепким движением ощупал каждый предмет, ни на чем не задерживая своего внимания. Тогда я выбрала матрешку и показала Канату, как ее можно раскрыть. Он стал более внимательным и, открывая каждую следующую матрешку, обнюхивал ее и ощупывал края губами.

Когда занятие ему надоело, он резко оттолкнул от себя стул, и все, что на нем лежало, упало на пол. Я, сидя на корточках, стала собирать упавшие игрушки, а мальчик стоял рядом и держал руку на моем предплечье, наблюдая таким образом за моими действиями. Потом он сел рядом с мамой и крепко вцепился в ее руку. Пора было расставаться. Мать заплакала. Канат, видимо, почувствовав волнение матери, провел по ее лицу сво-

ей рукой. Ощувив влагу на руке, он обнюхал свою ладонь и лизнул слезу языком.

Трудно его было оторвать от матери. Он так сцепил свои пальцы, что пришлось силой их разжимать. Наконец я повела Канатика в группу, держа за обе руки. Он кричал, топал ногами и брыкался. Я остановилась и, держа его руки одной своей рукой, другой коснулась его рта, давая понять, чтобы он прекратил крик. Мальчик замолчал, обнюхал мою руку и... вцепился в нее зубами. Превозмогая боль, я все-таки не отпускала его рук. Наконец я ослабила свои руки и, взяв ребенка за плечи, повела его в комнату.

Ощупав детей, лежавших в кроватях (был послеобеденный сон), Канат сел на кровать, которая была приготовлена для него. Раздеваться он не хотел, крепко обхватил себя руками, а ногами отталкивал меня, когда я к нему приближалась. Пришлось уступить и вернуться с ним в учительскую, чтобы показать, что матери там нет. Войдя в учительскую, он обнюхал стулья, нашел стул, на котором сидела мать, и горько, беззвучно заплакал. Слезы, крупные и редкие, бежали по его лицу. В группу вернулся спокойно, но в тот же день все время пытался уйти из группы. Путь его лежал в учительскую. Он все надеялся на возвращение мамы, обшаривал углы и обнюхивал стулья.

Потом мы заметили, что Канат очень хорошо ориентируется в запахах. Своих воспитателей он различает по запаху. Как только я прихожу в группу, он тотчас же подает мне халат, выбирая его буквально носом из числа других халатов. Он очень привязался ко мне. Моя напарница рассказывала, что в период моего недельного отсутствия по болезни Канат несколько раз плакал, уткнувшись лицом в мой халат, и жестом звал меня».

Активное использование обоняния слепоглухонемыми в различных ситуациях неоднократно отмечает в своей книге «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» О. И. Скороходова. А И. А. Соколянский предлагал воспитателям слепоглухонемых детей пользоваться всегда одними и теми же духами, чтобы таким образом облегчить воспитанникам процесс узнавания.

Теперь дадим слово человеку, который видит проблему резервов человеческого развития изнутри, ибо сам был воспитанником Загорского детского дома, затем кончил психологический факультет МГУ и ныне работает научным сотрудником в Институте общей и педагогической психологии. Итак, вот что думает А. В. Суворов. «Спрашивать, наблюдается ли у слепоглухонемых или у кого бы то ни было сверхсенсорность, — это, по-моему, все равно, что спрашивать: наблюдается ли где-нибудь господь бог.

Но вот что несомненно. Наши возможности чувственного восприятия, осязательного ли, обонятельного или еще какого, вряд ли когда-либо и кем-либо использовались на всю катушку, а возможности тут гигантские, и их использование зависит от острой, абсолютной необходимости. Если бы нам не нужно было видеть и слышать, мы бы не видели и не слышали при самых здоровых глазах и ушах. Зрячеслышащим для ориентировки вполне хватает зрения и слуха, а обоняние и осязание используются постольку-поскольку. Естественно, что с утратой зрения и слуха роль осязания и всех остальных сохранных чувств резко возрастает, и мы научаемся пользоваться ими так, как большинство зрячеслышащих не умеют. Именно не умеют, ибо им это не нужно, а понадобилось бы — смогли бы. Утраченные чувства компенсируются за счет сохранных. Но эта компенсация лишь выявляет до сих пор не использовавшиеся, или до сих пор ненужные, резервы, а вовсе не свидетельствует о какой-то особой «сверхчувствительности» слепоглухонемых. Есть использование, а вернее, развитие резервов, но нет «сверхчувствительности». Компенсируя зрение и слух за счет осязания и обоняния, мы лишь демонстрируем зрячеслышащим, как мало они их используют».

Глава V

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ И ВЗАИМОПОМОЩИ

В музее тифлосурдопедагогики, открытом в 1978 году при детском доме, хранятся гипсовые мимические маски, в которых запечатлены внешние выражения раз-

личных эмоциональных состояний человека. Эти маски И. А. Соколянский использовал для осязательного изучения слепоглухонемыми детьми изменений мимики человеческого лица в зависимости от эмоциональных переживаний. Таких масок было много, что называется, на все случаи жизни. Они отображали гнев, радость, испуг, презрение, задумчивость, брезгливость, гордость, ужас и так далее.

Оказывается, человеческая улыбка не рождается вместе с ребенком, а появляется у него под воздействием социальных факторов. Если бы мама не улыбалась своему дитя, наклоняясь над его колыбелью, пеленая его и пестуя, не научился бы ребенок улыбаться. Потому-то у слепоглухонемых от рождения или с раннего детства малоподвижное маскообразное лицо. Не видел такой ребенок, как улыбаются окружающие, — вот и не научился улыбаться. По такому лицу слепоглухонемого трудно определить его отношение к собеседнику. Это бывает причиной недоразумений.

Овладение мимической культурой, то есть развитие способности адекватно и к месту выражать свои эмоциональные состояния, полезно не только слепоглухонемым, но и обычным их сверстникам. К сожалению, эта сторона воспитания ребенка в семье и в детских дошкольных учреждениях часто выпадает из поля зрения родителей и воспитателей. Между тем мимическая культура в большой мере способствует установлению правильных взаимоотношений между людьми.

Ни глухонмота, ни слепоглухонмота не влекут за собой фатальной озлобленности и недоверия к окружающим. Дело только в правильном воспитании глухонемых и слепоглухонемых детей, в своевременном посвящении их в вопросы многосторонней общественной жизни. Нужно создавать резервы доброжелательности, уживчивости, коммуникативности так же, как и у обычного ребенка.

Конечно, всех ситуаций не предусмотреть, особенно в новой для слепоглухонемых непривычной среде. Первые месяцы работы наших выпускников на УПП ВОС изобиловали конфликтами. Так, например, одна из молодых слепоглухонемых работниц написала директору УПП

жалобу, что слепые обижают слепоглухонемых. Оказалось, что проходящий мимо нее слепой мужчина случайно задел ее ногу тростью. Видимо, впервые встретив на привычном пути неожиданное препятствие, следуя его, он еще несколько раз коснулся ноги, а когда понял свою ошибку, извинился, но не был услышан слепоглухонемой работницей. Это явное недоразумение и послужило причиной бурного возмущения.

Другая слепоглухонемая девушка приобрела в рассрочку у одной из кадровых работниц УПП пуховую шапочку. Но, когда выдавали зарплату, она узнала, что женщина, продавшая шапочку, получила денег значительно больше ее, и тогда она наотрез отказалась выплачивать деньги за покупку. Вот так не познанная слепоглухонемыми многоплановость человеческих отношений иногда приводит к пробелам в их представлениях, искажает их взаимоотношения с окружающими.

Готовых рецептов воспитания, как известно, не бывает, но некоторыми находками, способствующими формированию положительных черт характера при слепоглухоноте, хотелось бы поделиться. Благотворное влияние на нравственное воспитание наших детей оказывает их общение с животными.

Стоит только взглянуть на благоустроенное логово нашего дворового Мишки. Оно в бревенчатом сарае, на возвышении, сооруженном из пустых ящиков. Мишка спит на чьем-то старом пальто, а ближайšie к его постели стены увешаны, словно коврами, мешками из-под картофеля. Забота, беспокойство о любимом животном облагораживают детскую душу. То взаимопонимание, которого не всем удается достигнуть в отношениях с людьми, не требует особых усилий в общении с домашними животными. У наших детей широкий диапазон такого общения: тут и куры, и цесарки, и овцы с ягнятами, и кролики, и кошки, и собаки, ужи и даже белая крыса Машка.

...Я накладываю снег в ящик, стоящий на санках. Санок три пары, ящиков — шесть. Мне трудно, я не успеваю. Вновь подъезжающие с пустой тарой воспитанники сразу же хватаются за лопаты и помогают наполнять ящики.

Но вот всех детей позвали на медицинский осмотр. Я вижу, как каждый, прежде чем оставить меня одного, увозит нагруженные санки и, выгрузив на детской площадке снег, очень точно, так, чтобы мне было удобно накладывать снег в ящики, пришвартовывает санки к снежной кромке сугроба. Что это? Я думаю воспитанность, предупредительность, уважение к труду. Меня охватывает теплое чувство к моим ребятам, но тут же закрадывается холодок подозрения. Может быть, это ко мне у них особое отношение.

На следующий день провожу эксперимент. Прошу проходящую мимо воспитательницу подменить меня у кучи снега. Ухожу в дом. И сквозь замерзшее окно слежу за происходящим во дворе. Спустя некоторое время через дежурного воспитателя под благовидным предлогом приглашаю детей в помещение. Все повторяется точно так же, как и при мне. Значит, устойчивая привычка. И это радует.

Наши воспитанники очень приветливы и доброжелательны к посторонним, особенно к мужчинам. Ведь им можно протянуть для рукопожатия руку. А наши дети привыкли именно к такой форме приветствия, потому что некоторым из них другие формы просто недоступны, а кроме того, с помощью рукопожатия можно, оказывается, передать целый букет человеческих эмоций. Приветливость проявляется на каждом шагу.

Иду по коридору второго этажа. Навстречу Саша Р., один из старших воспитанников. Он приближается и слегка дотрагивается до моего предплечья. Мы с ним уже сегодня здоровались за руку, но надо же как-то выразить свое расположение! Спускаюсь по лестнице. На лестничной площадке первого этажа стоит Сережа У., поджидая почтальона. Протягивает мне руку. Но, вспомнив, очевидно, что уже здоровался, ограничивается прикосновением к запястью моей руки.

Приезжает с каникул Юра Т., заходит в кабинет и с порога протягивает сразу две руки. Встаю из-за стола, здороваемся и похлопываем друг друга по спине — соскучились. Ну а Саша Суворов, бывший наш воспитанник, навещающая детский дом, обязательно обнимает, да еще гладит меня, словно маленького, по голове. Он стал рослым,

широкоплечим, и я тону в его объятиях. Маленькие мальчишки все норовят протянуть руку при встрече. И никого нельзя обойти рукопожатием.

А вот еще пример наших будней.

На длинных металлических санках стоят два ящика. Мы с Сережей нагружаем в ящики из огромной кучи снег. Один из ящиков расположен ближе ко мне, другой — к Сереже.

Удобнее же грузить каждому ближайший ящик — посещает меня запоздалая мысль.

— Грузи, — говорю я напарнику, — в свой ящик, так лучше.

— Нет, — отвечает мне ребенок, — вместе хорошо! И в доказательство своей правоты поднимает вверх большой палец.

Я радостно озадачен. Надо же, мальчишке двенадцать лет, но он уже проникся захватывающим чувством солидарности в коллективном труде и уже берет на себя инициативу в организации такого труда. Меня радует неожиданное открытие этой черты характера в воспитаннике, его приверженность к коллективным действиям. Мы накладываем доверху вначале один, затем второй ящик, а сверху в дополнение к ним ставим еще и третий. Двое воспитанников увозят санки со снегом на детскую площадку, где предполагается строительство горки. Глядя им вслед, я ловлю себя на мысли, что обостренное чувство коллектива не случайность у наших ребятишек. Ведь вся их жизнь с самого начала протекает в атмосфере сотрудничества.

Под впечатлением пережитой утром радости прихожу домой и замышляю спровоцировать сына на совместную деятельность. Ему уже четырнадцать лет, он учится в массовой школе и, думается мне, должен продемонстрировать образец коллективистских действий. Я выжидаю, когда он начнет позевывать над книгой, подолгу вглядываться в хоровод метущихся за окном снежинок, и предлагаю ему переключиться на физический труд. Ставлю задачу: переставить из двух полок книжки в книжный шкаф. Он выбирает себе полку и начинает таскать книги. Я немного мешкаю, он же торопится отделаться. Ему не очень удобно перетаскивать книги. Они вываливаются

из охапки, да и прежде, чем их расставить в шкафу, приходится осовоуждать руки, складывая книги на пол. Я предлагаю объединить усилия, встав цепочкой от полок к шкафу. Сын видит, что у меня осталось значительно больше книг, и не спешит соглашаться. Однако мой родительский авторитет склоняет его к совместной деятельности, хотя печально было убедиться в отсутствии инициативы и навыков сотрудничества у собственного ребенка.

Я затрудняюсь назвать какие-либо детские коллективы, где дружба детей была бы так тесно переплетена с взаимопомощью, имела бы такую надежную предметную основу, как у наших воспитанников. Конечно же, бывают разногласия, ссоры — дети есть дети! Но главное в этих отношениях — все-таки взаимопомощь. Она их основа.

Иногда выручка проявляется при весьма трогательных обстоятельствах. Канат и Аман из Казахстана. Они еще не имеют понятия о национальных узах и различиях, но что-то интуитивно их сближает. Взаимопомощь и выручка между ними развиты до чрезвычайности. Когда Канат был совсем слепым, Аман служил для него добровольным поводырем. Канату сделали операцию на обоих глазах. Слепота частично пропала, а дружба осталась прежней. Дети, как и раньше, неразлучны.

Виды сотрудничества детей во многом определяются разнородностью дефектов наших питомцев. Есть среди них слабослышащие слепые, есть слабовидящие глухонемые — таких большинство, есть (их, к счастью, мало) совсем не видящие и не слышащие одновременно. Неудивительно, что свои недостатки каждый стремится компенсировать за счет помощи сверстников. Так возникают пары и целые объединения детей, основанные на взаимопомощи и сотрудничестве.

Ситуации, требующие взаимопомощи, возникают порой самые неожиданные. Подростка разбирает любопытство: что это за новый листок появился на профсоюзном стенде? Рослый мальчик имеет самые незначительные остатки зрения и самостоятельно прочитать напечатанное на листке не может. Секунда размышления, и он ловит пробегающего мимо малыша. Сажает его себе на плечи, приподнимает и подставляет полураскрытую ладонь. Малыш, чуть не носом водит по строчкам, через толстые

линзы очков вглядывается в буквы и прочитывает текст по складам, шевеля пальчиками в ладони старшего товарища. Старший мальчик удовлетворен. Но теперь любопытство охватывает младшего. Прочитав текст, он не понял его содержания и теребит товарища, требуя соблюдать принцип взаимовыручки. Тот начинает растолковывать малышу смысл прочитанного, пока не получает от него подтверждения, что удовлетворен объяснением. Это наши будни. Польза от такой взаимопомощи огромная.

Не следует думать, что полностью слепоглухонемые не приносят никакой пользы этим сообществам. Напротив, они составляют их ядро. Это один из парадоксов наших дефектологических реалий. Слепоглухонемые дети с полным отсутствием зрения и слуха, как правило, быстрее других продвигаются в развитии. Они успешнее других усваивают язык, их легче приобщить к чтению книг. Основным занятием этих детей в часы досуга является чтение художественной литературы. Читают они много. Причем, даже когда ложатся в постель. Свет «читающему» пальчику не нужен: осязание возможно и в темноте.

Засунет такой малыш под одеяло пухлую книжку, сомкнет ресницы, и думаешь, что спит. А он под одеялом водит пальчиком по строчкам выпуклых букв. И так пока не уснет.

Вот это-то пристрастие к чтению и привлекает сверстников к слепоглухонемому подростку как к наиболее эрудированному. С ним советуются, считаются, стремятся разрешать мальчишеские конфликты. У него набираются ума-разума. И конечно, в свою очередь оказывают сильную помощь главным образом в передвижении, когда друзья попадают в незнакомую местность. В детдоме и на его дворе все передвигаются самостоятельно.

Очень часто пары сотрудничающих слепоглухонемых сохраняются надолго, иногда на всю жизнь.

Но истоки коллективизма слепоглухонемых следует искать и в совместной деятельности с воспитателем. Именно эта деятельность своей строгой дозированной помощью приучает ребенка пользоваться чужой помощью умеренно, без тенденции к потребительству. И в самом деле —

соблюдение дозированной помощи, когда ребенок находится на пределе своих возможностей, заставляет его мобилизовывать свои резервы, формирует у него уверенность в собственных силах, создает иммунитет против потребительства. Так что соблюдение принципа дозированной помощи малышу в любой семье может принести известную пользу в предупреждении распространенного среди части современной молодежи стремления жить за счет родителей.

Дозированная помощь — предмет постоянных забот со стороны воспитателя разновозрастных детских коллективов. Стоит ослабить бдительность, как появляется риск подавления наиболее активными воспитанниками менее деятельных.

В детском доме был проведен эксперимент по изучению степени хозяйственных нагрузок на представителей разных возрастов при их стихийном распределении. В результате оказалось, что в этом вопросе нельзя полагаться на стихию, а необходимо своевременно усложнять деятельность, расширяя сферу приложения труда для старших возрастов, тем самым освобождая более легкие работы для их младших товарищей. Так, скажем, полезно своевременно переводить старших воспитанников с общественно полезного труда в хозяйстве детдома на профессиональную подготовку и оплачиваемый труд, предоставляя хозяйственные хлопоты по детдому младшим воспитанникам. В противном случае более умелые, сноровистые выполняют основную часть хозяйственных поручений, подавляя инициативу менее умелых сверстников и воспитанников младших возрастов, что тормозит их психомоторное развитие.

Нередко сообщества слепоглухонемых приобретают излишнюю замкнутость, и стоит большого труда проникнуть в их внутреннюю жизнь. Такие сообщества требуют к себе пристального внимания и предупредительных мер, чтобы не возобладали в них тенденции негативные, не получили развития порочные наклонности.

Случается, что тот или иной слепоглухонемой ребенок никак не вливается в коллектив. Вот тут-то и начинаются поиски путей адаптации его в коллективе. Самым надежным помощником и тут оказывается труд. Стоит обучить

такого ребенка какому-нибудь дефицитному ремеслу, как положение выправляется. Наши дети обычными шариковыми ручками писать не могут. Все письменные работы выполняются ими с помощью так называемых брайлевских машинок, воспроизводящих при нажатии клавишей строчки выпуклых букв. На них же пишут письма домой. Конструкция этих машинок предельно проста, но и ломаются они достаточно часто. Так вот, мы обучили одного нашего мальчишку, отвергнутого ребятами, примитивному ремонту этих машинок, и его услуги в ремонте машинок сверстников изменили в корне положение, подняли его авторитет в их глазах.

Один полностью слепоглухонемой подросток испытывал катастрофический дефицит общения. Сделали его общественным почтальоном. В его обязанности входило получать от профессионального почтальона почту и разносить ее по детскому дому. Потом уже по собственной инициативе он стал приобретать конверты, открытки и марки и распродавать их в детдоме. Эта добровольная общественная нагрузка сделала его желанным собеседником для представителей всех возрастов. Как же не поделиться с почтальоном вестями из дома! Сфера общения ребенка значительно расширилась.

Известны попытки психофизического, речевого развития и организации общения глухонемых детей путем включения их в детские коллективы обычных школ.

Однако трудно представить возможность включения слепоглухонемого ребенка в детский коллектив массовой школы и его там адаптацию. Слишком уж различны возможности, а в связи с этим и интересы обычных и слепоглухонемых школьников.

В нашем детдоме был избран другой путь. К детскому дому в качестве шефствующих были прикреплены учащиеся средних классов одной из ближайших школ. Обычные школьники, обучившись дактильной азбуке, приходили в детский дом с концертами самодеятельности, завязывали при помощи воспитателей личные контакты со слепоглухонемыми сверстниками. Однако эти контакты не отличались надежностью и не были долговременными. Удовлетворив любопытство экзотикой нашего дома, школьники перестали навещать своих новых знакомых.

Такие недолговременные связи приносили больше вреда, чем пользы, так как травмировали психику слепоглухонемых детей, подрывали их веру в окружающих, вызывали недоброжелательное отношение к зрячеслышащим. Пришлось признать, что на этом пути мы потерпели неудачу.

Но вот помог случай. В 1979 году группа комсомольцев, членов молодежной секции Университета для родителей города Москвы, предложила администрации детдома помощь в хозяйственной деятельности. Вместе с тем, заинтересовавшись проблемами тифлосурдопедагогики и обучившись дактилологии, приезжающие по субботам и воскресеньям молодые люди по собственной инициативе стали вступать в контакты со слепоглухонемыми воспитанниками. Среди добровольных помощников было престижным владение дактильной азбукой, с помощью которой воспитанники детдома быстро нашли себе друзей по интересам. Эти интересы слепоглухонемых под влиянием новых друзей обретали иногда совершенно неожиданные направления. Так, например, тотально слепоглухонемой воспитанник Р. заинтересовался игрой на гитаре, которую воспринимал, полагаясь на свое осязание. Музыка — это ведь не только звуки, но и вибрация, через которую слепоглухонемой воспринимает темп, ритм, силу звучания. В этом тоже есть своя гармония.

«Студенты», как стали называть добровольных помощников в детдоме, учитывая интерес подростка, подарили ему гитару и обучили несложным ритмам.

Много радости принесло детям авиамоделирование. Слабовидящие глухонемые дети с удовольствием помогали самодеятельным художникам разрисовывать яркими красками заборы и веранды детских площадок. Предпринимались совместные трудовые десанты, устраивались концерты художественной самодеятельности с участием слепоглухонемых воспитанников. Наибольшей популярностью пользовалась пантомима, которую можно было не только созерцать имеющим остатки зрения, но и осязать тем, кто его лишен совсем. Предпринимались туристские походы с кострами и приготовлением на них походной пищи.

Самое же важное, что в процессе совместной деятель-

ности шло активное общение. В это общение «студенты» вносили свежую струю, расширяли его рамки, повышали интеллектуальный уровень общения, так как не старались да и не умели, к счастью, приспособляться к уровню общения наших детей. Таким образом, слепоглухонемые дети попали в интеллектуальную речевую стихию, которая формирует нормальное развитие обычных детей.

Из года в год продолжают заезды в детский дом добровольных помощников. Особенно активны бывают контакты в весенне-летний период, когда открывается большой объем хозяйственных и оформительских работ в детдоме. Каждый раз воспитанники с нетерпением ждут приезда своих друзей. Здороваются непременно за руку, ходят в обнимку. Очень нужен ребенку близкий взрослый человек или друг хоть чуть-чуть старше по возрасту, поопытнее.

Безусловно, что в организации такого общения педагогам принадлежит не последняя роль. Они служат не только связующим звеном между слепоглухонемыми воспитанниками и «студентами», но, кроме того, так планируют досуг учащихся, чтобы можно было проводить совместные мероприятия.

Естественно, что состав приезжающих в детдом помощников менялся, обновлялся так же, как и состав воспитанников, часть из которых по возрасту выбывала из детского дома, оформлялась работать на специализированное производство. Однако сохранялось инициативное ядро, а вместе с ним и традиции совместной деятельности и общения. Они не нарушаются уже несколько лет. Именно совместная деятельность позволяет устанавливать и укреплять контакты между слепоглухонемыми и обычными людьми. В наших же собственных неудачных попытках наладить контакты школьников с воспитанниками детдома недоставало именно этого цементирующего звена — совместной деятельности, труда.

Отсюда вывод: с самого раннего детства ребенка следует приучать к коллективной деятельности, и чем раньше он приобретет какое-нибудь умение или ремесло, тем надежнее он утвердится в коллективе, тем шире будут его контакты и личностная его ценность в глазах сверстников. Велика в этом роль разновозра-

стных коллективов, ибо в них устанавливается цепочка передачи социального опыта, реализуется связь поколений.

Хочу закончить эту главу рассказом о том, как в нашей практике реализуются эти педагогические принципы.

Крыша детдома давно требовала замены, но где найдешь кровельщиков? Они вымерли, подобно динозаврам. Во всяком случае, три года поисков успеха не имели. И вдруг удача! Не где-нибудь, а у меня в кабинете появилась группа живых кровельщиков — шабашников. Усилиями бригады в шесть человек они брались за полтора месяца полностью перекрыть кровлю детдома.

Осмотрели внимательно крышу, пощупали до дыр прожжавшие швы, попинали ногами кирпичные парапеты, пощурились на золоченые купола Лавры, покурили вдумчиво и... назвали сумму впятеро большую той, которая значилась в моей смете.

Солнце померкло в моих глазах. Крышу я покидал в крайне удрученном настроении. Правда, почувствовав мое состояние, они на прощание смиростивились и согласились через недельку заглянуть ко мне еще раз, оставляя время на, увы, бесплодные размышления. Предстояло либо пережить еще одну беспокойную зиму с тазами и ведрами на чердаке, желтыми пятнами от протечек на потолках и скалыванием льда на крыше во время оттепелей, либо идти сознательно на грубые финансовые нарушения.

Обычно своими невзгодами я делился с моими молодыми друзьями — «студентами», ища у них сочувствия и совершенно не подозревая, что тем самым порождаю у них ответственность за детдом.

Видя безвыходность моего положения, они о чем-то пошептались и, не посвящая меня в подробности переговоров, успокоили следующей многообещающей фразой: «Не беспокойтесь, мы что-нибудь придумаем». И придумали!

Вскоре появился кровельщик, который за умеренную плату согласился начать работы по замене кровли. Но не только начать! Начать и за короткое время обучить своей «нехитрой», как он сам выразился, профессии моих «студентов». На том и порешили.

Через неделю, верные своему обещанию, появились шабашники. Но ощущая в себе могучую коллективную силу, мы гордо отвергли их услуги. Правда, мне эта гордыня далась нелегко: терзали всякие сомнения относительно состоятельности моих «студентов». Но жребий был брошен!

Верно говорят: лихое дело — начало! Не все ладилось, да и с трудом верилось в успех этой, как мне казалось, легкомысленной затеи. Кровельное дело представлялось чрезвычайно мудреным, а тут еще сложная конфигурация детдомовской крыши с крутизной более 30 градусов, двумя огромными ендовыми, парапетами и слуховыми окнами. Каждый день я торчал на крыше и надоедал своими сомнениями, пока мне прозрачно не намекнули на нежелательность моего присутствия. Пришлось покориться, набраться терпения, на крышу я стал подниматься лишь по приглашению, когда нужно было решить какой-нибудь стратегический вопрос. Правда, постепенно мои сомнения поуменьшились. Ребята довольно быстро овладевали навыками кровельного мастерства, и их опекун стал постоянно куда-то исчезать, наезжая лишь для того, чтобы проверить работу и проконсультировать в трудных случаях. С половины же крыши они повели дело совершенно самостоятельно.

Больших усилий стоило преграждать путь на крышу несовершеннолетним участникам шефских заездов. Очень заманчиво им было демонстрировать свой трудовой энтузиазм на десятиметровой высоте. Сговорились на том, что они не будут высовываться из-за парапетов.

К концу работ более десятка молодых людей от шестнадцати и старше весело молотили молотками по железу, победоносно поглядывая с высоты. А те, кому не исполнилось шестнадцати лет, гнули огромные листы жести внизу на специально сконструированном устройстве, а затем сбивали их в длинные широкие ленты-«картины». Самые младшие вместе с детдомовцами, орудуя кистями, покрывали железо олифой, сушили его и подтаскивали к месту работ.

Воодушевление от успехов было так велико, что трудно оказалось остановиться. Поэтому в целях закрепления кровельных навыков были перекрыты крыши неко-

торых пристроек и дворовых сооружений. Здесь проявили себя уже четырнадцатилетние «студенты» из числа учащихся ПТУ, благо высота сараев была невелика. Вскоре большинство дворовых построек голубело и зеленело новыми свежевыкрашенными кровлями. Мы не только уложились в сметную стоимость, но и перекрыли список осмеченных работ.

Ребята не просто работали. Они выручали детский дом! Не подарками, не деньгами, не благотворительностью — собственным трудом! И труд этот спорился от сознания его острой необходимости, а не от ожидания вознаграждения.

Даже четырнадцатилетние мальчишки сумели постичь основы кровельного ремесла. И насколько же возросло их к себе уважение! Достаточно было видеть, как профессионально, с какой заинтересованностью обсуждали они трудовые проблемы со своими старшими товарищами. Должно быть, именно значимость труда рождает его ценность, уважение к нему, формируются устойчивые нравственные убеждения. Какой же огромный творческий потенциал таится в деятельности разновозрастных коллективов! В этом эпизоде особенно зримо шла передача опыта от одного возрастного звена к другому. Опыта не только трудового, но и нравственного, эмоционального. Опыта жизни. Очевидно, это лучший путь воспитания человека, способного ощущать свою внутреннюю причастность ко всему происходящему вокруг, способного осмысливать и оценивать свою жизнь и деятельность с точки зрения интересов общества.

Глава VI

ПАРАДОКСЫ ТИФЛОСУРДОПЕДАГОГИКИ

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я стал готовить группу слепоглухонемых ребят к поступлению в университет, — это их безупречная грамотность. А ведь начал я обучение по литературе с «Капитанской дочки», а по русскому языку — с первых представлений о правилах правописания. Для меня это открытие было особенно неожиданным потому, что пять предыдущих лет я преподавал те же предметы в вечернем техникуме. Взрос-

лые парни с трудом усваивали грамматику, и, чтобы они не отчаялись от бездны грамматической премудрости, я порой сознательно завышал им оценки.

А тут совершенно не видят и, что самое главное, не слышат человеческой речи — и такая удивительная грамотность! Неужели у всех четверых такие завидные природные задатки к усвоению языка?! Да и вообще, зачем мы учим правила, сверлила мозг сакраментальная идея, если нет нужды в изучении правописания? Может быть, сократить программу, изменить ее?

Шли дни, а тем временем я демонстрировал сочинения моих новых учеников учащимся техникума, где продолжал работать по совместительству, консультировался со всеми по поводу обнаруженного феномена. Мои сообщения, кроме изумления и восхищения, никаких других реакций у собеседников не вызывали, а вот объяснить суть загадочного явления никто не мог.

Наконец я сам догадался. Помог случай. Я неожиданно поймал себя на том, что однажды при дактилировании сделал указательным пальцем крючок, обозначающий запятую. И меня озарило! Дело оказалось не в биологической предрасположенности к грамматике. Все было гораздо проще. Пальцевая речь подчиняется так же, как и письменная, морфологическому принципу. Таким образом, говорят слепоглухонемые так же, как и пишут, по тем же правилам орфографии и синтаксиса. Значит, тренируются они в правописании с первых воспроизведенных ими на пальцах слов. А ошибаться им не дает рука воспитателя, который с тех же первых слов и всегда тут же исправляет их погрешности в дактилировании. Если учесть, что первоначальное общение находится под контролем одного воспитателя, то становится ясно, что и ошибкам-то неоткуда появиться. Кроме того, при одновременной слепоте и глухоноте поток информации, проходящей через контролируемый канал, значительно возрастает по сравнению с нормой. Если все это принять во внимание, то безукоризненность правописания у слепоглухонемых перестает быть загадкой.

Так что ко времени изучения правописания по школьным программам у наших воспитанников имеется солидный в этой области опыт. Вот, оказывается, какое преимуще-

щество имеют наши дети перед обычными школьниками, устная речь которых подчиняется законам фонетики и вступает в противоречие с законами морфологии. В нашем случае этого противоречия нет.

Пришлось перестраиваться. В дальнейшем мои ученики знакомились с правилами лишь для того, чтобы иметь о них представление, а упражнения я давал им выполнять в каждом разделе грамматики и синтаксиса лишь для того, чтобы не было случайных пробелов. Так мы сэкономили массу времени.

Высокий уровень практического владения языком облегчает и процесс приобщения к чтению.

В журнале «Знание — сила» как-то появилась заметка под названием «Плюсы близорукости?». «Английский медицинский журнал «Ланцет» провел интересное обследование учеников, страдающих близорукостью, которая к пятнадцатилетнему возрасту наблюдается у шести процентов детей. Врачи пришли к выводу, что близорукие ученики якобы превосходят своих сверстников по умственному развитию на пять процентов. Особенно это заметно на таких предметах, как математика и литература. Специалисты полагают, что причина этого — исключение близоруких детей из многих игр, что заставляет их уделять больше внимания учебной программе. Тесты показали, что близорукие дети целеустремленны и точны, а также менее склонны ко лжи».

Если продолжить цепь умозаключений в плане «пользы» сенсорной патологии для умственного развития детей, то следует предположить, что самыми умными и способными, целеустремленными и точными являются учащиеся с наиболее глубокими поражениями органов чувств, например, слепоглухонемые. Ведь их-то наверняка сверстники никогда не привлекают к участию в совместных играх.

Постараемся использовать практический опыт, чтобы разобраться в этом вопросе. Но прежде вспомним слова родоначальника русской тифлосурдопедагогики И. А. Соколянского, который однажды сказал: «Чтобы успешно обучать слепоглухонемых, надо уметь их недостатки обращать в преимущества». Парадоксальность этого высказывания буквально ошарашивает. Трудно с точки зре-

ния здравого смысла оправдать такую формулировку. Получается, что сенсорный комбинированный дефект — это не только недостаток в чистом виде. В самом дефекте скрыты, оказывается, какие-то надежды на его смягчение. Должно быть, и впрямь мудра народная пословица, утверждающая, что худа без добра не бывает. Но какие это преимущества, где эти надежды, как отыскать добро в самом зле, иногда творимом природой? Ведь известно, сколь трудно обучать слепых детей по сравнению с их зрячими сверстниками, а школьная программа для глухих детей растянута на целых 12 лет и наполняемость классов в три раза меньше, чем в массовой школе. А слепоглухонемые? До XVIII столетия их вообще не обучали. Исследователи в прошлом называли их «инертными массажи», «подвижными растениями» и приравнивали к идиотам, полностью отрицая возможность обучения этих обездоленных детей, и вдруг, — «преимущества»...?!

Действительно, некоторые поступающие в детский дом дети мало напоминают человеческих детей. Они не умеют ходить, принимать человеческие позы, сидят в кроватках, вялые и беспомощные, ко всему безучастные, совершая навязчивые движения, раскачиваясь из стороны в сторону, мотая ритмично головами, вздрагивая и изредка вскрикивая. Ни на какие целенаправленные действия без посторонней помощи эти дети не способны. Так где же они — эти преимущества?

И вот начинается процесс первоначального обучения, который специалисты часто называют очеловечиванием. Нечто сходное мы наблюдаем при попытках очеловечить детей, воспитанных в логове зверя. Разница, правда, есть. Стереотип поведения ребенка, сформировавшегося в звериной среде, складывается из действий, направленных на поддержание жизнедеятельности организма. И при последующем очеловечивании речь уже идет о коренном перевоспитании, о ломке цельной поведенческой системы, оправданной с точки зрения выживания организма в дикой среде, и формировании взамен ее поведенческой системы, определяемой требованиями к индивиду в человеческом обществе. Такую трансформацию выполнить крайне сложно. Поэтому неудивительно,

что нам неизвестны удачные случаи формирования у таких детей человеческой психики. И наоборот, при воспитании даже сильно запущенных в педагогическом отношении слепоглухонемых детей ломки поведенческой системы не происходит. Здесь лишь исправляется стереотип поведения путем переориентации высвобождающейся биологической энергии на целенаправленные действия. И это сделать значительно легче, чем перевоспитать ребенка, извлеченного из звериного логова, хотя в нашем случае ребенок лишен не только человеческой психики, но слуха и зрения.

Родители, впервые навещающие своих детей после некоторого периода их обучения в нашем детдоме, удивляются тому, что мы упорно формируем у воспитанников навыки самообслуживания. Удивляются и просят: «Да вы их говорить научите, а уж одеваться-то и обуваться мы им всегда сами поможем».

Научить языку слепоглухонемого ребенка, который не может еще отграничить органические ощущения от поступающих извне, для которого окружающий мир пуст и беспредметен, а потому лишен всякого смысла, так же нереально, как обучить человеческой речи любое нечеловеческое существо.

Как мы уже говорили, оказалось, что усвоению ребенком языка должна предшествовать активная предметная деятельность в объеме, удовлетворяющем его органические нужды. В процессе этой предметной деятельности ребенок вначале усваивает функциональную сторону предметного мира, близкого его органическим нуждам. Полезность предметов для поддержания жизни ребенка вынуждает его осуществлять ориентировочно-исследовательскую деятельность, попросту говоря, проявлять деловое любопытство. Это любопытство направлено на узнавание полезных предметов, на установление различий между ними.

Ориентировочно-исследовательская деятельность, рождающаяся в лоне освоения ребенком предметного мира, вырастает в любознательность, стимулирующую затем ребенка и в учебной деятельности.

Усвоение же языка начинается тогда, когда ребенок уже присвоил самую необходимую часть общечелове-

ческого опыта, материализованного в предметах обихода, когда у него сложилась система образов предметов и действий с ними. А вместе с этой системой образов формируется и система поведения, соответствующая назначению предметов. Система поведения, все более и более усложняясь, является провозвестницей человеческой психики. Образно говоря, ребенок берет человеческую психику напрокат из копилки общечеловеческого опыта путем овладения приемами использования предметов для удовлетворения своих нужд. Отсюда вывод: чем шире и многоплановее поприще предметной деятельности ребенка, тем развитее становится его система поведения. На нее-то и «ложится» слово, закрепляется в ней и «заземляется» лексика, наполняясь реальным смыслом.

Для специалистов, работающих со слепоглухонемыми детьми, азбучная истина: суть вещей и значение слов познаются через активную деятельность. И первыми словами, которые удается внедрить в сознание ребенка, бывают слова, обозначающие действия, выполняемые им повседневно, и предметы, назначение которых он усвоил в процессе удовлетворения естественных нужд.

В своей работе мы наблюдаем парадоксальную картину: слабовидящие дети отстают в интеллектуальном развитии от полностью слепоглухонемых. Казалось бы, остатки зрения должны помочь ребенку в развитии. В чем же дело? Наблюдения показали, что слабовидящие глухонемые довольствуются созерцательным восприятием окружающего мира. У полностью же слепоглухонемых сам дефект predetermined раннюю разностороннюю ручную деятельность. Такой ребенок одновременно и осматривает предмет, ощупывая его рукой, и воздействует на него, познавая свойства предмета и его функциональное назначение. Отсюда углубленность и прочность знаний слепоглухонемых детей, ярко выраженное стремление докапываться до сути явлений.

Избалованность зрением — беда не только слабовидящих глухонемых воспитанников нашего детдома. Это еще в большей степени беда обычных школьников. Созерцательный опыт... От него страдает масса детей, у которых формируется завышенная оценка собственных

способностей. В школе ручной деятельности посвящены только уроки труда. Да и тут мы порой забываем, что ручной труд — это труд руками. А вышел ребенок с урока, и прекратилось даже это микроскопическое использование предметной деятельности рук. С помощью зрения, слуха ребенок познает мир на улице, дома, у телевизора, у стола за книгой. А вот ручная деятельность учащихся массовой школы очень бедна. Нет при школах специфически детского мира, требующего приложения усилий детских рук. И уж совсем плохо, когда отсутствует хозяйственная деятельность у воспитанников детских домов, школ-интернатов. Какое уж тут может быть гармоническое развитие!

Обнаружив инфантильность и вербализм у наших воспитанников, их неприспособленность к труду, мы постарались выправить положение. Уже более десятка лет при детском доме функционируют подразделения, в которых воссозданы в миниатюре различные отрасли хозяйственной деятельности человека. Помимо швейной, столярной и штамповочной мастерских, мы имеем огород, сад с ягодником, теплицу, цветник, кролиководческую ферму, овчарню, собак, кошек, курятник и другую живность. Дети сами следят за чистотой двора, за порядком в хозяйственных пристройках. Наши дети умнеют в труде. Как тут не вспомнить слова В. А. Сухомлинского о том, что таланты и дарования детей — на кончиках пальцев.

«Все труд, да труд, а где же игра?» — предвижу я недоуменный вопрос.

Есть у нас и игры. Но они часто вплетаются в трудовую деятельность. Иначе и быть не может. Ибо первые игры слепоглухонемых детей рождаются в лоне деятельности по самообслуживанию. Но даже этим играм наших детей приходится специально обучать. Ребенок проигрывает с воспитателем знакомые ему из области самообслуживания ситуации. Почему так? Да потому, что другого опыта у слепоглухонемого ребенка вначале попросту нет, а созерцательный опыт ему недоступен. Это уж потом, когда он начнет заниматься общественно полезным трудом, расширятся его контакты с окружающим миром, появится интерес к печатному слову — тогда игры обретут общепринятый характер.

Это еще раз подтверждает, что в основе всего развития слепоглухонемых детей лежит предметно-практическая деятельность.

Труд в общепринятом значении — это средство поддержания индивидом своей жизнедеятельности, то есть необходимость, продиктованная прежде всего нуждой. Однако труд может переходить в увлечение, в самоцель, когда не столь важно получить материальные результаты труда, а важно насладиться этим трудом. В этом смысле игра тоже труд, но не направленный на получение какого-либо продукта, а труд вдохновенный, творческий, процесс которого сам по себе является наслаждением, искусством, рожденным в предметной деятельности. Только в игре можно достичь гармонии тела и духа, ибо только в игре тело делает то, что подсказывает дух, а дух — то, что требуется телу. Выражаясь словами К. Маркса, гармоничная личность может свободно развиваться лишь в «игре физических и интеллектуальных сил», то есть в труде, возведенном в искусство.

Но вот наступает период непосредственной подготовки детей к обучению по школьной программе. И тут-то начинают обнаруживаться некоторые преимущества. Оказывается, слепоглухонемые дошкольники многое умеют делать и делать не кое-как, а квалифицированно. Они могут аккуратно застелить постель, почистить картошку, накрыть на стол, постирать личные вещи, пришить пуговицу, полить комнатные цветы. У них есть навыки ухода за домашними животными и птицами.

Откуда же все это взялось у детей, лишенных зрения и слуха? Скажем сразу: из необходимости познания окружающей жизни с помощью действующей руки. Раннее включение ее в работу с самого начала обращает недостаток в преимущество. Ведь у слепоглухонемого знакомство с окружающей жизнью происходит не созерцательно, как в норме, и не по описанию, как это часто бывает в случае слепоты, а в ручном действовании. Все, что необходимо знать ребенку, познается им в совместной с педагогом трудовой деятельности, когда педагог, взяв в свои руки ручки ребенка, выполняет ими все манипуляции вначале по самообслуживанию, а затем и в любой другой деятельности.

Комплексный недостаток, именуемый слепоглухонемотой, сам предопределяет необходимость активной деятельности руки ребенка. Поэтому трудовая основа развития ребенка в этом случае не только декларируется, а в действительности является необходимой базой психического развития — идеальным воплощением формулы «от действия к мысли». В отличие от слепоглухонемого, зрячеслышающий ребенок, созерцательно пополняя свой опыт, визуально знакомясь с функциональным назначением предметов, далеко не всегда приобретает вместе с тем навыки трудовой деятельности. Познание же функционального назначения предметов слепоглухонемым ребенком, а вместе с ним и формирование человеческой психики осуществляется лишь через ручное действие.

Наши ученики поражают высокой сосредоточенностью в процессе занятий. Связано ли это с преимуществами, вытекающими из самой слепоглухонемоты? Оказывается, да. Для того чтобы сосредоточиться, обычный человек старается уединиться, выключает радио, телевизор, выпроваживает гулять ребенка, уезжает, наконец, в деревню, в тишину пустынного уголка. Мы ведем постоянную и утомительную борьбу с избыточной информацией, с этим хаосом обрушивающихся на нас повседневно, ежечасно и ежеминутно впечатлений. А наши обычные школьники! Сколько родительских упреков и угроз приходится им выслушивать, когда, не в силах противостоять искушению, забывают они о домашних заданиях и пялят глаза в окно или оцепеневают перед раскрытым учебником, прислушиваясь к голосам сверстников, доносящимся со двора.

Слепоглухонемому нет необходимости вступать в эту борьбу. В обстановке обычного класса, где кроме него находится еще более десятка людей, он может сосредоточенно мыслить. Его не отвлечет ни птичка, севшая на ветку вблизи окна, ни собака, залаявшая во дворе, ни самолет в небе, ничто происходящее в помещении, если при этом не возникнет ощутимой вибрации. У него в голове не сидит занозой мысль о том, что без него во дворе сверстники играют в футбол. Да и не слышит он этих пленяющих мальчишеское сердце звуков от уда-

ров по мячу. Его душу не раздирают противоречивые желания одновременно увидеть по телевизору хоккейный матч и успеть на вечерний сеанс в кино. Он спокоен, сосредоточен, целеустремлен.

Занимаясь составлением программ для машинного программированного обучения, я всегда отдавал их на проверку не коллегам-учителям, а одному из своих слепоглухонемых учеников и был уверен, что после его проверки программы будут лишены всяких ошибок и опечаток.

Рассказывают, что уже в преклонном возрасте, теряя последние остатки зрения, великий математик, механик и физик XVIII века Леонард Эйлер не очень огорчился. «У меня будет меньше поводов для отвлечения», — сказал он, в связи с этим. И действительно, слепота не снизила его работоспособности.

При обучении totally слепоглухонемых отсутствует проблема дисциплины. Если иного нерадивого ученика массовой школы не затащить на занятия, то здесь, наоборот, десятиминутное отлучение от учебы считается тяжелейшим наказанием. В учебных группах общение между учителем и его тремя учениками дактильно-контактное. При таком общении на уроке, даже если учитель общается сразу двумя руками, один из учеников остается вне поля педагогического воздействия. Часто приходится наблюдать, как тянется к педагогу рука соскучившегося по общению ученика. Он жаждет общения — оно несет ему знания.

Что же касается приверженности к точности и порядку, то это одно из важнейших условий нормальной жизни слепоглухонемого. Порядок, приведение в систему всего, с чем соприкасается слепоглухонемой, облегчает ему ориентировку. Вещи в тумбочке, на столе, в шкафу должны лежать в определенных местах. Иначе их потом не найдешь. Если договорился встретиться с человеком в определенное время, то нужно быть точным. Иначе, где потом будешь искать этого человека? Слепоглухонемота предопределяет воспитание таких качеств в человеке, с отсутствием которых, хотя и досадуя, мы миримся в норме.

А вот теперь мы подошли к моменту, когда уместно

задать вопрос. Не происходит ли такое успешное освоение учебной программы за счет того, что делает человека всесторонне развитой личностью? К счастью, при слепоглухонемоте можно избежать одностороннего развития личности. И на это тоже направлены усилия педагогов, обучающихся слепоглухонемых. Возможность компенсации отсутствующих зрительных и слуховых образов предоставляют сохранные органы чувств и, прежде всего, осязание. С ним связано восприятие слепоглухонемым всей окружающей жизни, общение и чтение брайлевских текстов. Или возьмем, к примеру, восприятие музыки. Вибрационная чувствительность позволяет слепоглухонемому воспринимать ритм, темп и силу звучания. Специалисты уже привыкли к тому, что слепоглухонемые приобретают на первые самостоятельно заработанные деньги транзисторные приемники и, положив на них пальцы, «слушают» музыку. Некоторые слепоглухонемые безошибочно могут ответить на вопрос, какую музыку передают по транзистору и кто поет, мужчи-

на или женщина. Под музыку слепоглухонемой может танцевать: вибрация паркетного пола от игры на пианино или рояле хорошо воспринимается подошвами ног, а вместе с вибрацией передаются ритм и темп музыки. Еще легче воспринимать ритмическую музыку эстрадного оркестра с его ударными и щипковыми инструментами, она воспринимается кожной поверхностью всего тела.

«Я думаю, что среди зрячих немного найдется таких, которые поверят, что слепоглухой может «слушать» пение и музыку. А между тем слепоглухой очень хорошо ощущает звук голоса и игру на музыкальном инструменте и может получить большое удовольствие... Мне очень нравится класть руки на рояль или какой-нибудь инструмент в то время, когда на нем играют», — пишет О. И. Скороходова.

А как же быть с восприятием театральных постановок? Прежде всего с их содержанием можно познакомиться, прочитав сценарий, можно попробовать воспроизвести действия в своем самостоятельном коллективе, под руководством воспитателя подготовить пьесу к постановке. Ведь в театре не полезешь на сцену ощупывать позы артистов, а у себя в детском доме всегда можно осязательно воспринимать позы и движения своих товарищей, особенно если сам слепоглухонемой участвует в постановке. Самыми доступными для слепоглухонемых видами искусства являются литература и скульптура. Произведения этих видов искусства слепоглухонемые могут не только воспринимать, но и творить сами. Конечно, всему этому нужно специально обучать. Поэтому с самого начала пребывания слепоглухонемого ребенка в специальном заведении его обучают сочинению спонтанных текстов и лепке из пластилина. Не удивительно, что четверо выпускников детского дома, еще обучаясь в МГУ, имели публикации в журналах, а один из них закончил факультет скульптуры народного университета.

Вот только живопись, краски... Звуки проявляют себя вибрацией, а краски немые. Как дать слепоглухонемому представление о красках? На этот вопрос мы не знаем ответа. Правда, на помощь часто приходят запахи,

сопутствующие цветам природных явлений. Пахнет белый свежий снег, пахнет зеленая сочная трава, пахнет серая дорожная пыль, пахнут по-своему красный помидор и зеленый огурец, и желтая дыня. Хорошо, что явления природы проявляют себя не только цветом, но и многочисленной палитрой запахов, форм, структур. Надо только изощрить сохранные органы чувств и можно будет улавливать, распознавать столько различных оттенков проявления природы, которые иным зрячеслышащим людям и не снились. Кроме того, видеть — еще не значит знать. Известно, например, что муравей видит ультрафиолетовые лучи, однако человек знает о них значительно больше, хотя и не имеет возможности непосредственного их восприятия.

«Был такой чудесный вечер. Мне кажется, что за все лето еще ни разу не было такого вечера. Неудержимо тянуло в сад, где благоухали белые табакки, петунии и настурции. Я сидела на скамье и думала... Едва уловимый ветерок теплыми струйками скользил по моему лицу и рукам. Ко мне подошла Е. А. Я спросила у нее: «Какой сегодня вечер, лунный или темный?» — «Да, лунный. Небо чистое, синее, с крупными звездами». Я долго сидела в саду, а когда легла спать, не могла уснуть. Обаяние этого вечера далеко отогнало от меня сон...» — это запись из дневника О. И. Скороходовой.

Трудно себе представить участие слепоглухонемых детей в подвижных играх со зрячеслышащими сверстниками. Но есть подвижные игры, рассчитанные специально на слепоглухонемых. Правда, они не так увлекательны, как хоккей, футбол, волейбол, но, бесспорно, дают возможность эмоциональной и физической разрядки. И все-таки игр, в которых тотально слепоглухонемые могли бы участвовать, крайне мало. Их приходится изобретать.

Самыми доступными видами спорта являются шахматы, ходьба на лыжах по хорошо проторенной лыжне, катание на роликовых коньках, рыбная ловля, плавание, легкая атлетика. На лыжах слепоглухонемые могут не только кататься, но и участвовать в соревнованиях. Команда Загорского учебно-производственного предприятия Всероссийского общества слепых, на пятьдесят

процентов состоящая из слепоглухонемых, в течение ряда лет занимала призовые места на областных соревнованиях среди слепых. Кроме того, уже имеются некоторые технические средства, расширяющие возможности слепоглухонемых в спорте.

Глава VII ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Урок. Одна рука учителя перекинута поперек стола вправо к одному ученику, другая — влево к другому. Через стол впереди учителя сидит третий ученик. На него рук не хватает. Он выполняет самостоятельное задание. Но вот и он тянет к учителю руку, требуя общения, а учитель не может прервать свою беседу с двумя другими, да и пальцы уже устали. Где уж тут думать о фронтальной работе, если не успеваешь даже кратко объяснить новый материал, ответить на вопросы, проверить усвоение знаний? Не только интеллектуальный, но и тяжелый физический труд при недостатке времени — вот что такое обучать группу слепоглухонемых детей.

А вот комсомольское собрание. Слепоглухонемые подростки усаживаются в ряд на стулья. И от первого до последнего звена живой цепи течет беседа, осуществляемая шевелением пальцев в руке соседа. Каждый из составляющих эту цепь, принимая информацию, независимо от своего желания интерпретирует ее в соответствии со своим уровнем развития и уж в таком виде передает дальше, искаженную и перефразированную. Но иного пути нет. И если цепь длинная: пять и более человек, то информация до последнего звена доходит в столь искаженном виде, что серьезное мероприятие обращается в известную детскую игру «испорченный телефон».

Меня мучает тоскливое сомнение: многого ли мы добьемся при столь малоэффективных способах передачи информации? Обычный ученик ежечасно, ежеминутно поглощает массу разнородных сведений об окружающей жизни. А слепоглухонемой воспринимает информацию лишь тогда, когда он читает книгу (если его уже обучили этому) или при дактильном общении, кото-

рое требует больших усилий и специальных навыков. Поэтому с посторонним человеком не поговоришь, да и со знакомым не очень-то разговоришься.

Мы задались целью добиться гармонического развития личности слепоглухонемого при условии их группового обучения. А тут страшный дефицит информации, который накладывается на уже имеющуюся у многих слепоглухонемых детей педагогическую запущенность. Есть ли выход?

«Да, — обмолвился как-то ныне покойный А. И. Мещеряков, бывший в ту пору заведующим лабораторией обучения и изучения слепоглухонемых при НИИДефектологии АПН СССР, — еще И. А. Соколянский сконструировал телетактор, предназначавшийся для общения с группой слепоглухонемых. Нужно навести справки относительно его местонахождения».

И вот я привожу в Загорскую школу слепоглухонемых из Свердловской тифлотехнической лаборатории телетактор, сконструированный И. А. Соколянским. Центральный пульт этого устройства соединен с десятью индивидуальными пультами. Центральный — предназначен для передачи информации от докладчика к слепоглухонемым «слушателям», поэтому он снабжен шестью передающими клавишами. При нажатии клавишей в определенных комбинациях на индивидуальных пультах появляются соответствующие им выпуклые брайлевские буквы, образуемые выступающими над поверхностью такторов металлическими штырьками. Слепоглухонемой читает эти буковки, делая мелкие движения указательным пальцем по тактору.

Первые же испытания на практике выявили непригодность аппарата для использования на уроке, мало подходил он и для собраний. Дело в том, что на уроках и собраниях требовалась, помимо прямой связи, которую обеспечивал аппарат, обратная и взаимная. Однако важна была сама идея технизации общения.

Телетактор прямой, обратной и взаимной связи, сокращенно ТЕПРОИВС был разработан и изготовлен нами в школе слепоглухонемых в 1968 году. Его внедрение в практику уроков позволило педагогу без большого физического напряжения объяснять учебный материал

одновременно практически неограниченной аудитории слепоглухонемых учащихся. Все зависело от количества присоединяемых индивидуальных такторов. В качестве вызывного устройства были использованы вентиляторы, подсоединенные к каждому из пультов. Достаточно было нажать на центральном пульте кнопку, как включался вентилятор соответствующего индивидуального пульта, и поток воздуха устремлялся на ученика, которому надлежало отвечать на вопрос учителя. Взаимная связь позволяла всем ученикам группы слушать ответ своего товарища, считывая с тактора, дополнять и исправлять его, печатая на клавиатуре индивидуального пульта. ТЕПРОИВС позволил ввести в практику школы слепоглухонемых фронтальные методы работы. Таким образом, воссоздавалась обстановка, подобная той, которая наблюдается на уроке в массовой школе.

Однако разработка приборов и ее воплощение в условиях нашей школы требовали большого напряжения сил, тем более что мы не имели ни соответствующих кадров технических специалистов, ни своей материально-технической базы. Возникла необходимость в кооперации. И такая кооперация была достигнута с Владимирским педагогическим институтом им. Лебедева-Полянского.

Одним из детищ этой кооперации явился «Специализированный класс», успешно заменивший цепочку «испорченного телефона» на собраниях. Стало возможным приглашать на встречи, беседы интересных людей, а в период подготовки выпускников к поступлению в вуз — организовывать встречи с преподавателями вузов, учеными. Специализированный класс был также снабжен сигнализацией, которая представляла собой систему кнопок и вибраторов. Нажатием кнопки на индивидуальном пульте любой из присутствующих мог включить вибратор центрального пульта и сообщить таким образом о своем желании выступить. Ведущий собрание поворотом соответствующего рычага включал в сеть обратной связи индивидуальный пульт слепоглухонемого, и тот, работая на клавиатуре пульта, передавал свое выступление всем присутствующим.

Дальнейшее техническое сотрудничество привело

к созданию целого семейства тефлорепетиторов и обучающих машин. Смысл этих технических средств состоял в том, что по заранее составленной программе слепоглухонемой, самостоятельно общаясь с машиной, получал от нее актуальное подкрепление своим действиям. Таким образом, решалась проблема третьего лишнего на уроке, когда один из трех учеников обучался по индивидуальной программе. Постепенно рамки технической кооперации расширялись. Появилась группа энтузиастов во главе с молодым преподавателем Владимирского пединститута А. Е. Пальтовым. Разработка специальных технических средств для слепоглухонемых приняла особенно интенсивный характер.

Первым изданием этой группы был «Комплект брайлевских строк». Необходимость в разработке этого аппарата была вызвана тем, что все существующие специальные технические средства общения выдавали на такторе под «считывающий» палец слепоглухонемого одиночную букву, исчезающую прежде, чем появлялась следующая. Такой принцип подачи информации на тактр приводит к побуквенному ее считыванию в то время, как слепоглухонемые читают брайлевские тексты в соответствии с принципом сигнальности восприятия. Так же, как читают тексты зрячие люди.

Надо сказать, что все испытания новых технических средств и их внедрение происходили с участием самих слепоглухонемых учащихся. Каждый из учащихся старшей группы излагал письменно свои соображения по результатам испытаний.

Очередным этапом в техническом оснащении школы явилась полисенсорная сигнализация.

Вспомним школьный звонок. Насколько незаменим он в жизни школы. «Первый звонок», «последний звонок», а особенно те часто повторяющиеся на протяжении дня звонки, которые разделяют для каждого первый и последний. Так вот, этот испытанный школьный звонок никак не хотел выполнять своих функций в школе для слепоглухонемых. Его слышали только педагоги, которые вынуждены были разыскивать своих учеников по всему зданию, а иногда во дворе школы и дактилировать каждому в руку слово «звонок». Ведь слепоглухо-

немного ученика не окликнешь и не помашешь ему призывно рукой. Внедрение полисенсорной сигнализации избавило педагогов от лишних хлопот, позволило организовать учащихся для самостоятельной ориентировки в режимных моментах.

Полисенсорная сигнализация работала от автоматического устройства, в котором запрограммирован весь режим дня. Утром включались вибробудильники, укрепленные на кроватях, и легким нарастающим потряхиванием сообщали спящим слепоглухонемым о наступлении времени пробудки. Завтрак предварялся распылением в помещениях из специальных распылителей запаховых раздражителей. Начало и конец урока сопровождалось действием вентиляторов, направляющих на учеников потоки воздуха. Вместе с перечисленными сигнализаторами автоматически включались световой и звуковой, рассчитанные на восприятие слабовидящими глухонемыми, слабослышащими слепыми и обслуживающим персоналом.

Однако полисенсорная сигнализация была действенной лишь в помещении. Между тем часто возникала необходимость в оперативной связи со слепоглухонемыми, находящимися за пределами центрального корпуса: во дворе или соседних зданиях. С этой целью была предпринята попытка разработать прибор для радиосвязи со слепоглухонемыми. Прибор получил название «теле-тактор двусторонней связи с радиоподзвон».

Технические средства и слепоглухонемота. Сколько резервов развития заложено в них! Сколько возможностей компенсации утраченных функций!

Вот еще пример из практики обучения слепоглухонемых детей. Осваивая программу девятого и десятого классов, будущие студенты университета выполняли такое множество письменных работ по Брайлю, что невозможно было их своевременно переводить на плоскочечатный шрифт и проверять. Возникла идея обучения учащихся печатанию на обычных машинках. Это оказалось осуществимым с помощью десятипальцевого метода, при котором каждый палец запоминал определенную группу клавиш и в процессе печатания безошибочно на них попадал. Шестеро старшеклассников без особого

труда освоили машинопись, а вместе с ней обрели еще один способ общения с окружающими. И сейчас, будучи уже научными сотрудниками, четверо из этих учащихся широко используют свои машинописные способности в научной работе и в быту.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Реорганизация школы в направлении усиления трудового воспитания подрастающего поколения касается также и специальной школы. При этом возможен обмен опытом в области приобщения детей к труду. Во всяком случае, работа со слепоглухонемыми детьми такой материал дает. Для подтверждения этого нелишне привести слова академика А. Н. Леонтьева. Оценивая результаты обучения и воспитания слепоглухонемых, А. Н. Леонтьев говорил, что «особенность рассматриваемого нами эксперимента заключается в том, что он создает условия, в которых делаются зримыми — мне хочется сказать, даже осязаемыми и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъемки — узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины его природы... Здесь ясно, как ни в одном другом случае, выступает связь чувственного восприятия и мышления с той основой, которая делает человека человеком, — с трудом в самом серьезном научном значении этого слова, с процессом преобразования природы общественным человеком, который только и создает, только и формирует (а вовсе не «пробуждает») ту высшую и специфическую форму психики, которая называется человеческим сознанием, или, для краткости, «душой».

Закономерности психического развития слепоглухонемых детей те же, что и в норме. Это неоднократно подчеркивал известный советский психолог Л. С. Выготский, исследовавший проблемы развития аномальных детей. А вот технология их воспитания и обучения иная.

Но если с помощью этой технологии слепоглухонемого ребенка, оказавшегося в глухой изоляции, удастся

вырвать из дочеловеческого состояния, сформировать в целенаправленном педагогическом процессе человеческую психику и вывести его на рубежи дальнейшего беспредельного саморазвития, то, очевидно, такая практика может дать полезный материал и для общей педагогики и позволить по-новому взглянуть на проблему резервов детского организма, его физических и психических возможностей.

В цитированной выше выдержке из выступления А. Р. Лурия есть удивительное по своей выразительности применительно к слепоглухонемым словосочетание «сила мотивов». Не наводит ли на размышление это словосочетание? Действительно. Откуда она, эта «сила мотивов», у слепоглухонемого ребенка?

Оказалось очень важным пристально следить за развитием ребенка и актуально повышать уровень его деятельности и общения.

Часто можно слышать: мал еще, рано. Рано приобщать к труду, рано учить грамоте, рано в школу. А между тем к труду слепоглухонемого ребенка приобщают сразу, как только он появляется в детском доме. Правда, вначале, как мы уже говорили, это труд по самообслуживанию, потом в соответствии с успехами ребенка он усложняется, расширяется его сфера и он переходит в следующую стадию — в труд по коллективному самообслуживанию и так далее через общественно полезный труд, предпрофессиональную подготовку к овладению профессией.

А грамоте? С четырех-пяти лет начинают учить слепоглухонемого ребенка письменной речи. Именно письменной. Ведь, пальцевая речь, с помощью которой он начинает общаться с воспитателем, подчиняется законам морфологии. Упустишь время — не сформируется словесное общение. Вырастишь ущербную личность. Следует только учесть, что формирование языка слепоглухонемого ребенка зиждется на базе практической деятельности. Так что для нас этот вопрос давно решен в пользу раннего обучения грамоте.

Известно, что передача культурного наследия — одна из актуальных проблем времени. В этом плане мы тоже проводили многолетние эксперименты и наблюдения.

Отмечено, что в части приобщения к труду, формирования поведенческих и трудовых навыков лучше всего работают разновозрастные коллективы. Здесь наиболее интенсивно идет передача общественного опыта.

Очень полезной оказалась систематическая помощь строительно-педагогических отрядов из студентов, молодых рабочих, учащихся старших классов и техникумов, их совместный с воспитанниками детдома труд и досуг.

Думается, труд в массовых школах следует организовывать, учитывая благотворное влияние разновозрастных работающих. Так, скажем, даже сезонные мероприятия в помощь сельскому хозяйству следовало бы строить с учетом разного возраста направляемых на работу детей. В практике же школ этот развивающий фактор обычно игнорируется. Как правило, направляют одновременно параллельные классы. Так спокойнее и удобней. Но даже в случаях одновременного участия в сельскохозяйственных работах разных возрастных групп учащихся мероприятия по трудовому взаимодействию между ними не проводятся. Наилучшее же свое воплощение разновозрастное сотрудничество находит в клубной работе.

Наш опыт показал, что в приобщении к труду необходимы систематичность и повседневность. Но для этого нужна база, расположенная непосредственно при детском учреждении, чтобы ребенок мог трудиться каждый день и тогда, когда это предусмотрено графиком, составленным самими же детьми, и когда просто хочется заняться любимым делом.

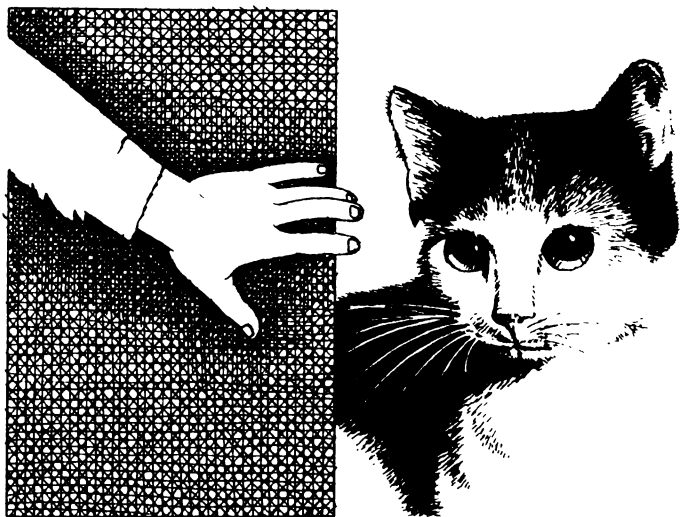
Чтобы избежать принуждений в приобщении к труду, база должна быть многосторонней, хотя бы в миниатюре воссоздавать различные отрасли хозяйственной деятельности человека. Тогда дети смогут выбирать занятия по интересам. При каждом детском учреждении желательно создать детскую зону, наполненную домашними животными и растениями, насыщенную инвентарем, инструментами, строительными материалами, доступными интеллекту ребенка техническими средствами.

Наличие такой зоны — это путь к самовоспитанию ребенка, его саморазвитию. Когда есть воспитывающая предметная среда, нет необходимости к понуканию и

принуждению. Только это не значит, что саморазвитие — некая спонтанная тенденция детской психики и что достаточно создать для этого материальную сферу. Стремление к саморазвитию необходимо сформировать. Саморазвитие начинается тогда, когда ребенок получает удовлетворение от деятельности. Поэтому первоначально формируются навыки как в физическом труде, так и в интеллектуальной деятельности. Иными словами, навыки в любой деятельности следует довести у ребенка до такого уровня, когда труд доставляет удовлетворение, появляется стремление к его совершенствованию.

В разноплановой деятельности развивается творчество, изобретательность, предприимчивость подростков. Сама жизнь становится радостнее. А в нашем положении радость и оптимизм — незаменимое лекарство!

Сегодня у нас занятие прозаическое: сделали клетку для кроликов и ставим ее в сарай. Но как быть со стоками: в сарае деревянный пол, нужен поддон. Срабатывает стереотип. У старых клеток поддоны из кровель-

ной жести, и ребята уже тащат лист железа. Но наша клетка другой конструкции. Приставляем лист к клетке. Вместе напрягаемся, пытаюсь его согнуть и втиснуть в промежутки между ножками клетки. Несколько упорных попыток не дают результата: железо гремит, упруго вырывается, никак не образуя нужную кривизну стока. Да тут еще обнаруживается, что листа железа не хватает на всю длину клетки. Измученные работой садимся отдыхать. Я наблюдаю за детьми, вдруг один из воспитанников срывается с места и устремляется в угол, где стоит рулон рубероида, начинает раскатывать его. В один момент всех охватывает воодушевление. Поддон получает-ся на славу! Всеобщее торжество от успеха!

Сейчас много говорят о резервах человеческих возможностей. Что касается резервов человеческой психики, интеллектуальных человеческих способностей, то прежде, чем развивать и использовать эти резервы, их нужно своевременно и умело сформировать. В этом нас убеждает наш опыт работы со слепоглухонемыми детьми. Ни один тотально слепоглухонемой ребенок по внутреннему побуждению не стал осваивать окружающий мир, так как нет в человеке от природы внутренних стимулов к познавательной деятельности. Эти стимулы необходимо заложить, сформировать, а затем уж развивать. И если в норме первоначальная познавательная деятельность ребенка формируется стихийно и в чрезвычайно сжатые сроки, почти незаметно для глаз окружающих, создавая иллюзию генетической обусловленности, то мы-то доподлинно знаем, что стимулы познавательной деятельности слепоглухонемого ребенка формируются буквально руками воспитателя. Руки эти призваны провести каждого ребенка по тем основным этапам, которые прошло человечество в своем развитии. Ребенок должен практически познать тяжесть и радость труда земледельца, заботливость и долготерпение животного, ощутить весомость молотка и вибрацию пилы в собственных руках, почувствовать прочность бетона и упругость стали. Навыки эти и знания нужны не только для утилитарных целей — они обогащают детскую душу.

В связи с этим хочется повторить одну непреложную истину: нет не способных к труду и учебе детей, но есть

плохая организация педагогического процесса и плохие воспитатели.

«Работа со слепоглухонемыми детьми не терпит шаблона, никакой догматики, к каждому ребенку в каждый момент его жизни необходим очень внимательный, подлинно исследовательский подход. Это предполагает непрерывное педагогическое творчество, повседневный исследовательский труд. Исследованием должны быть охвачены все ребята. Это диктует создание непосредственно в детдоме научно-исследовательской группы, главной задачей которой было бы изучение педагогического опыта детдома и разработка рекомендаций к тому, чтобы педагогический процесс был интенсивнее и эффективнее. Вообще работа со слепоглухонемыми детьми — это тот случай, когда практика неотделима от теории, как и наоборот. Сама возможность обучать таких детей, по единодушной оценке мировой научной общественности, — это «выдающееся достижение советской науки»., — пишет А. Суворов.

Такую оценку работы со слепоглухонемыми в нашей стране предвосхитил еще А. М. Горький. В своем письме О. И. Скороходовой он писал: «Вы для меня не только объект изумительно удачного, научно важного эксперимента, не только яркое доказательство мощи разума, исследующего тайны природы, — нет! Вы для меня являетесь как бы «символом» новой действительности, которую так быстро и мужественно создает наш талантливый трудовой народ — рабочие, крестьяне».

Ну а что касается души, то она формируется и развивается у каждого человеческого существа в процессе его жизни и социального опыта. При детской слепоглухоноте формирование человеческой психики или души хорошо прослеживается, потому что каждое новое психическое образование ребенка связано с взаимодействием рук воспитателя и воспитанника в процессе обслуживающего труда, т. е. в буквальном смысле является рукотворением.

Интересно, что один американский ученый прошлого века, придерживавшийся идеалистических взглядов на природу человеческой психики, сравнил слепоглухонемого ребенка с запертым сейфом, наполненным сокрови-

щами человеческой души. Для высвобождения и саморазвития души, по мнению этого ученого, необходимо найти ключ к «сейфу». Ключом же, как он предполагал, должно быть слово. Божественное слово, способное разбудить дремлющую душу. Мы же понимаем, что никаких сокровищ человеческой психики в «сейфе» нет. И если его открывать, то только для того, чтобы наполнить выработанными человечеством духовными сокровищами, которые составляют основу человеческой психики индивида после того, как он присвоит их.

СОДЕРЖАНИЕ

Развитие под лупой времени (Вместо предисловия)	3
Глава I. Где они — резервы человеческого развития?	8
Глава II. Труд и резервы развития	22
Глава III. Предусмотрительность	36
Глава IV. Мы очень избалованы	46
Глава V. О сотрудничестве и взаимопомощи	58
Глава VI. Парадоксы тифлосурдопедагогики	71
Глава VII. Технические средства	84
Послесловие	89

Абрамцев Альби Валентинович

РУКОТВОРЕНИЕ «ДУШИ»

Главный отраслевой редактор В. А. Аушев
Редактор О. Г. Свердлова
Младший редактор Л. В. Михайкина
Художник В. А. Провалов
Художественный редактор Т. С. Егорова
Технический редактор Т. В. Луговская
Корректоры Н. Д. Мелешкина, Н. М. Арсенина

ИБ № 7886

Сдано в набор 26.05.86. Подписано к печати 31.07.86. А13538. Формат бумаги 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Журнальная-рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,90: Усл. кр.-отт. 8,12. Уч.-изд. л. 4,79. Тираж 520 610 экз. Заказ 117. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 869209. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

15 коп.

Индекс 70062

